

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт педагогики, психологии и социологии
Кафедра социологии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ Д.О. Труфанов
«__» _____ 20 ____ г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

39.03.01 Социология

Девиянтное поведение как проблема современного российского
общества

Научный руководитель _____ Л.И.Григорьева

Выпускник _____ Е.В.Наталушко

Красноярск 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Теоретические основы изучения девиантного поведения в социологии.	9
1.1 Определения и понятия девиации в современной социологии.....	9
1.2 Исследование девиантного поведения в зарубежной социологии.	16
2. Девиантное поведение как проблема современного российского общества.	42
2.1. Социологические исследования девиантного поведения в отечественной науке.	42
2.2. Современные исследования девиантного поведения в российском обществе. Девиантное поведение как проблема современного российского общества.....	70
Заключение	89
Список литературы:	93
Приложение	98

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Социально-экономическая ситуация, сформировавшаяся в современном российском обществе, привела к нарастанию целого ряда социальных проблем, содержание которых составляет девиантное и делинквентное поведение: преступность, наркомания, проституция, суицид, алкоголизм, бездомность и т.д.

Необходим тщательный анализ всех изменений, произошедших в современном Российском обществе. В последние годы многократно усилилась социально-имущественная дифференциация, вызывающая углубление неприязни между верхними и низшими слоями общества, разрыв между официально провозглашаемыми целями и средствами их достижения. На фоне роста числа преступлений, волны амнистий людей заключенных по тяжелым уголовным статьям в 90-х гг. Общество становится еще более криминализированным что, в конечном счете может стать угрозой существования государственных институтов. Усилилась трансформация социальной структуры, увеличилось число безработных, процесс маргинализации и нисходящая социальная мобильность привели к увеличению основания стратификационной пирамиды. Данное основание заполняет постоянно количественно растущие деклассированные «низы» общества. Этот огромный слой людей представляет собой социальную базу для различных видов девиантного и делинквентного поведения. В то же время эффективность институтов социального контроля и социальной политики государства усиливается, действия властей становятся более взвешенными. Однако, государство все еще пытается решать те или иные социальные проблемы вне единой и систематизированной политики. Тем самым общество создает благодатные возможности для распространения различных видов девиантного поведения, приобретающих характер социальных проблем.

Девиантное поведение охватывает все большее число социальных институтов, слоев, групп и индивидов, проникая во все сферы общества. Девиантное поведение, имевшее массовый характер и зачастую воспринимавшееся как рациональный и общеприемлимый стиль поведения, становится серьезнейшей социальной проблемой, затрагивающей интересы всех граждан и требующей принятия мер противодействия.

Исходя из вышеизложенного важно выявить и изучить причины, содержание, характерные черты девиантных видов поведения и их динамику в условиях современного социально-экономического кризиса.

Степень исследованности темы. Вопрос влияния норм на жизненный выбор человека привлекал внимание мыслителей всех времен и народов.

Одной из первых появилась теория Герберта Спенсера. Девиация понимается Спенсером как болезнь общества. Существуют естественные законы развития общества, когда общество от этих законов отклоняется, начинается «болезнь».

Итальянский врач Ч. Ломброзо (1835-1909) предложил френологическую теорию девиации, пытаясь выявить прямую связь между преступным поведением человека и его биологическими характеристиками. Наиболее последовательное развитие теория атавизма Ч. Ломброзо, получила в работах профессора права Римского университета Энрико Ферри (1856-1928). Антропо-социологические идеи исследователя нашли достойное выражение в его книге «Уголовная социология».

Психологическую теорию девиации развивает З. Фрейд. Выдающийся немецкий социальный мыслитель и социолог Карл Маркс (1818-1883) - также исследовал проблему девиантного поведения. Маркс одним из первых в XIX столетии обратил внимание, в частности, на феномен преступности не с точки зрения антропологии и статистики, а с социально-политических, точнее, классовых позиций. В ряду ярких марксистских исследований преступности находится известная работа Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844-1845).

Основы социологической теории девиации были положены Э. Дюркгеймом. «Самоубийство: социологический этюд», 1897 г. Он также вводит понятие аномии. Дальнейшее развитие теория аномии получает у Р. Мертона.

Среди других теорий, объясняющих происхождение девиаций, можно выделить:

- 1) теорию подражания французского социолога Г. Тарда.
- 2) теорию дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда;
- 3) теорию стигматизации (от Греч, stigma - клеймо), или навешивание ярлыков, авторами которой являются американские социологи Э. Лемерт, Г. Беккер.

Таковы основные исследовательские подходы к изучению причин появления и распространения девиантного поведения. К передовым зарубежным ученым изучающим девиантное поведение следует отнести: Д. Гарланд (David Garland), Дж. Янг (Jock Young), Дж. Феррел (J. Ferrel), К. Хейворд (К. Hayward) Р. Куинни (Quinney) и В. Чемблисс (Chambliss) М. Брустен, Ф. Зак и др.

Изучением девиантного поведения в отечественных исследованиях, начиная с начала XIX-го в., занимались представители различных отраслей науки. Социологическое осмысление феномена отклоняющегося поведения началось в середине XIX-го в. Так, например, в 1823 г. академик К. Герман сделал доклад на заседании Российской Академии Наук «Изыскания о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 гг.». Девиантное поведение является предметом междисциплинарных исследований. Девиации в дореволюционной России исследовались врачами (П.Г. Розановым, Ф.К. Тереховко, И.О. Зубовой), педагогами (А.Н. Остроготским), юристами (А.Ф. Кони), психологами (Н.П. Бруханским, Я.Г. Лейбовичем). Отдельно проблемы алкоголизма изучали В.М. Бехтерев, Д.К. Бородин, Д.М. Воронов, Д.К. Дмитриев. Корреляцию алкоголизма с преступностью анализировал П.И. Григорьев.

Такому виду девиантного поведения как проституция были посвящены в конце XIX-го-начале XX-го вв. исследования Н. Бабикова, В. Зарубина, Н. Дубошинского, Ф. Мюллера, О. Обозенко. Изучением проблемы суицида занимались Н.М. Михайловский, К. Герман. содержался тезис о том, что отклоняющееся поведение является социальным феноменом, многие виды которого имеют общие социальные детерминанты.

В начале XX-го в. изучение девиантного поведения базировалось не только на анализе статистических данных, но и на результатах специальных социальных исследований ряда форм антиобщественного поведения. Например, исследования А.М. Раппорта и А.С. Шоломовича были посвящены проблемам пьянства и наркотизма.

Основываясь на дореволюционных трудах юристов, медиков, педагогов, психологов, криминалистов, в советский период продолжили изучение отклоняющегося поведения М.Н. Гернет, А.М. Раппорт (пьянство), В.М. Броннер, С.Е. Гальперина, А.И. Елистратова (проституция), Л.О. Иванова, Л.В. Ильина, И.С. Ной (преступность).

Отечественная социология девиантного поведения представлена работами Г.Г. Заиграева, А.А. Габиани, Б.М. Левина, А.В. Немцова, В.В. Корченова (алкоголизм и пьянство), А.В. Бородина, А.Р. Ратинова (суицидология), А.М. Яковлева (экономическая преступность). Социально-правовые аспекты проституции были рассмотрены А.Н. Игнатовым, Я.М. Яковлевым, И.С. Коном, Я.И. Гилинским, И.А. Голосенко, С.И. Голодом. К проблеме наркомании обращались в своих работах А.А. Габиани, А.Е. Личко, В.А. Чудковский, В.М. Егоршинова. Методологическую базу исследования преступности разрабатывали В.В. Панкратов, Г.А. Аванесов. Детерминации преступного поведения посвящены работы И.С. Нат, В.А. Наморокова. Содержание первенции преступного поведения раскрыто в трудах П.С. Дагеля, Г.М. Миньковского.

Особенное значение для становления российской социологии девиантного поведения имеет вклад таких ученых как Я.И. Гилинский, В.Н.

Кудрявцев, В.П. Казимирчук, В.М. Коган, Л.И. Спиридонова и др., разрабатывающих комплексную теорию исследования девиаций.

Современные российские ученые изучающие данный вопрос: Позднякова М.Е., Маслова О.М., Шурыгина И.И., Рыбакова Л.Н., Гишинский Я.И.

Одна из приоритетных задач современной отечественной социологии, как представляется, должна заключаться в комплексном изучении явлений девиации посредством выяснения и анализа механизмов и тенденций их развития в рамках процесса изменения всех подструктур российского общества.

Объектом исследования выступает феномен девиантного поведения в современном российском обществе.

Предметом исследования являются современные социологические теории девиантного поведения в современном российском обществе.

Цель и задачи исследования обусловлены научной и практической актуальностью изучения девиантного поведения и связанных с ним социальных проблем.

Целью исследования является анализ комплекса социологических теорий девиантного поведения в современном российском обществе

В связи с этой целью поставлены следующие **задачи**:

- выявить и рассмотреть основные понятия связанные с проблемой девиации в современной социологии;

- рассмотреть и уточнить содержание наиболее важных теорий девиантного поведения в зарубежной социологии;

- рассмотреть и уточнить содержание работ отечественных исследователей девиантного поведения в российском обществе;

- охарактеризовать развитие девиантного поведения в современной России, на основе результатов исследований отечественных социологов.

В ходе исследования применялись традиционные методы социологического анализа: сравнительный и типологический методы, с

помощью которых выявляется общее и особенное в изучаемом явлении, выделяются различные виды девиантного поведения и их проявление как социальных проблем; функциональный анализ, позволяющий определить взаимосвязь компонентов социальной структуры, последствий её трансформации и девиантного поведения; а также исторический метод.

1.ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ

1.1 Определения и понятия девиации в современной социологии.

В современной социологии понятие «девиация» тесно связано с понятием социальной нормы. Понятие нормы является исходным для изучения любых девиаций. Поскольку, по определению, отклоняющееся поведение - это поведение, отклоняющееся от социальных норм, то последние заслуживают рассмотрения. Одним из основных условий существования любой системы выступает ее способность поддерживать состояние некоего равновесия. История человечества приводит убедительные примеры того, что беспорядок неизбежно переходит в разрушение, и, напротив, стремление к упорядочиванию и согласованию может быть гарантией существования общества и жизни вообще. Нормы являются тем механизмом, который удерживает общественную систему в состоянии жизнеспособного равновесия в условиях неизбежных перемен. В обществе одновременно сосуществуют различные нормативные субкультуры - от научных до криминальных.

В переводе с латинского языка "норма" - правило, образец, предписание. В естественных и общественных науках норма понимается как предел, мера допустимого для сохранения и изменения систем. Социальные нормы являются одним из видов существующих норм (наряду с техническими, биологическими, эстетическими, медицинскими и др.). Специфической особенностью таких норм является то, что они регулируют сферу взаимодействия людей. Социальная норма - совокупность требований и ожиданий, которые предъявляет социальная общность (группа, организация, класс, общество) к своим членам с целью регуляции деятельности и отношений.

Социальная норма закрепляет исторически сложившийся в конкретном обществе интервал дозволенного или обязательного поведения людей, а также социальных групп и организаций. В отличие от естественно-научной социальная норма может соответствовать и не соответствовать объективным законам развития. В последнем случае аномальна сама норма (как, например, законы тоталитарного общества) и нормальны отклонения от нее. Вследствие этого социальные отклонения могут быть не только негативными, нарушающими функционирование системы, но и позитивными, стимулирующими ее прогрессивное развитие, например, в форме научного и художественного творчества.

При всем многообразии проявлений социальные нормы имеют следующие основные свойства: объективность, историчность, универсальность, схематичность, безусловность. Данные свойства означают, что норма является исторически выработанным, обобщенным социальным предписанием, обязательным для выполнения со стороны всех людей и в любой ситуации.

Понятие «девиация» происходит от латинского *deviatio* – уклонение. Девиантное поведение – социальное поведение, отклоняющееся от принятого, социально приемлемого в определенном обществе или социальном контексте. Сюда, в современном контексте, могут быть включены такие формы поведения, как: сквернословие, злоупотребление спиртным, употребление наркотиков, футбольное хулиганство и т.д. Часть из них, которая связана с нарушением правовых норм, определяется как делинквентная, или преступная, и карается законом. Однако социальному осуждению подвергается и множество поступков, которые не являются незаконными, но которые самим обществом определяются как девиантные или на которые "наклеивается ярлык" девиантных.

Социология изучает девиацию как социально обусловленное явление, поскольку представления о норме и девиации связаны с социальным контекстом и варьируются в различных обществах и даже субкультурах.

"Действия не являются естественно хорошими или плохими; нормальность и девиация определяются социально". "Девиация является не качеством совершаемого личностью действия, а скорее следствием применения другими правил и санкций к "нарушителю". (Х.С.Беккер)

У истоков социологии девиантного (отклоняющегося) поведения стоял французский ученый Эмиль Дюркгейм (1858-1917) - создатель французской социологической школы. Он выдвинул понятие социальной аномии, определив ее как "состояние общества, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились". Этим понятием описывается социальная ситуация, характеризующаяся упадком норм, управляющих социальным взаимодействием. Дюркгейм утверждает, что довольно часто девиации (к которым он относит, в частности, самоубийства) происходят вследствие отсутствия четких социальных норм. Опираясь на идею аномии, Роберт Мертон разработал анемическую концепцию девиации. Он утверждал, что базовой причиной любой девиации является разрыв между институциональными культурными целями и доступностью социально одобряемых средств для достижения этих целей. Среди множества элементов социальной структуры Р. Мертон выделяет два особенно, по его мнению, важных. Первый — это определенные культурой данного общества намерения и интересы, которые выступают в качестве «законных» целей — приемлемых для всего общества или же отдельных его слоев, социально одобряемых. Данные намерения и интересы называются институциональными.

Второй элемент определяет, регулирует социально одобряемые средства (способы достижения этих целей) и контролирует их применение. Главная гипотеза Р. Мертона заключается в том, что отклоняющееся поведение с социологической точки зрения может быть рассмотрено как симптом рассогласования между культурно предписанными стремлениями и социально структурированными средствами их реализации. В соответствии с

этой гипотезой Р. Мертон рассматривает пять типов приспособления людей к социально и культурно заданным целям, и средствам:

- 1) Конформность.
- 2) Инновация..
- 3) Ритуализм.
- 4) Ретритизм.
- 5) Мятёж.

Становлению в качестве самостоятельного научного направления теория девиантного поведения обязана прежде всего Р. Мертону и А. Коэну. Мертон проанализировал, каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению. Американский социолог А.Коэн называет отклоняющимся поведением такое, которое “идет вразрез с институционализированными ожиданиями”, а англичанин Д. Уолш, представитель феноменологической социологии, утверждает, что “социальное отклонение - это в значительной степени приписываемый статус” то есть только субъективное обозначение, “ярлык”, а не объективно явление. По его мнению, отклонение - это не внутреннее, присущее определенному действию качество, а результат социальной оценки и применения санкций. Очевидно, что подобные характеристики отклоняющегося поведения полностью не раскрывают его природу и объективные антинормативные свойства. Более широкую трактовку определения девиации дает Г.А.Аванесов: ”Под отклоняющимся поведением следует понимать действия, не соответствующие заданным обществом нормам и типам”, то есть речь идет о нарушении любых социальных норм. Социальные отклонения могут происходить в сфере индивидуального поведения, они представляют собой поступки конкретных людей, запрещаемые общественными нормами. Вместе с тем в каждом обществе много отклоняющихся субкультур, нормы которых осуждаются общепринятой, доминирующей моралью общества. Такие отклонения определяются как групповые. Как пишет профессор социологии

Калифорнийского университета в Беркли (США) Нейл Джозеф Смелзер, девиация с трудом поддается определению, что связано с неопределенностью и многообразием поведенческих ожиданий. Девиация ведет за собой изоляцию, лечение, исправление или другое наказание. Смелзер выделяет три основных компонента девиации:

- а) человека, которому свойственно определенное поведение;
- б) норму или ожидание, являющееся критерием оценки поведения как девиантного;
- в) другую группу или организацию, реагирующую на данное поведение. Таким образом, девиантность определяется в социологии как отклоняющееся поведение, деятельность человека (группы людей), не соответствующая сложившимся в данном обществе нормам (образцам) поведения, социальным ожиданиям.

Также в рамках данного параграфа необходимо рассмотреть понятие делинквентного поведения. Делинквентное поведение – действия конкретной личности, отклоняющиеся от установленных в данном обществе и в данное время законов, угрожающие благополучию других людей или социальному порядку и уголовно наказуемые в крайних своих проявлениях. Личность, проявляющая противозаконное поведение, квалифицируется как делинквентная личность (делинквент), а сами действия – деликтами. Делинквент (от лат. *delinquens* - правонарушитель) - субъект, чье отклоняющееся поведение в крайних своих проявлениях представляет собой уголовно наказуемые действия. Криминальное поведение определяется как противоправный поступок, который по достижению возраста уголовной ответственности служит основанием для возбуждения уголовного дела и квалифицируется по определенным статьям уголовного кодекса. Криминальному поведению, как правило, предшествуют различные формы девиантного и делинквентного поведения.

Делинквентное поведение в целом охватывает более широкий спектр поступков, нежели те, что прямо преследуются законом. Так, многие

различные формы поведения могут подвергаться социальному осуждению или отвержению, даже если поведение не является специфически противоправным – очевидные примеры такого рода представляют собой нецензурная брань, поддержание «дурной компании», привычка не являться в обусловленное время и беспробудное пьянство. Делинквентное поведение как форма девиантного поведения личности имеет ряд особенностей:

1. Это один из наименее определенных видов отклоняющегося поведения личности.
2. Делинквентное поведение регулируется преимущественно правовыми нормами – законами, нормативными актами, дисциплинарными правилами.
3. Противоправное поведение признается одной из наиболее опасных форм девиаций, поскольку угрожает общественному порядку.
4. Такое поведение личности активно обсуждается и наказывается в любом обществе.
5. Противоправное поведение по своей сути означает наличие конфликта между личностью и обществом.

Социологи, которые опираются на теорию, разработанную Дюркгеймом, утверждают, что девиация вообще и преступность в частности необходимы; они несут на себе особую функциональную нагрузку, поскольку объективно способствуют усилению социальной интеграции. Эта интеграция возникает из большей или меньшей степени единодушия, с каким «нормальная» часть общества осуждает девиантные поступки тех своих членов, которые нарушают общепринятые нормы. Чувство единения усиливается с помощью общепринятых ритуалов осуждения.

Усилия общества, направленные на предотвращение девиантного поведения, наказание и исправление девиантов описываются понятием «социальный контроль». Оно включает в себя совокупность норм и

ценностей общества, а также санкции, применяемые в целях их осуществления.

Сам термин «социальный контроль» был введен в научный оборот французским социологом и социальным психологом Габриэлем Тардом. Он рассматривал его как важнейшее средство исправления криминального поведения и возвращения преступника в «нормальное» общество. Наиболее развернутую теорию социального контроля разработали американские социологи Э. Росс и Р. Парк. Росс пытался найти и изучить способы достижения равновесия между обеспечением социальной стабильности, с одной стороны, и индивидуальной свободы — с другой. Он считал необходимым прежде всего внутренний этический и социальный контроль, основанный на интернализации общественных ценностей. Роберт Парк, один из основателей чикагской школы, автор «классической» социально-экологической теории, считал, что общество — это и есть контроль и согласие. Он понимал социальный контроль как особое средство, обеспечивающее определенное соотношение между человеческой природой и социальными силами.

Толкотт Парсонс в своей работе «Социальная система» определял социальный контроль как процесс, с помощью которого через наложение санкций нейтрализуется девиантное поведение и тем самым поддерживается социальная стабильность. Он проанализировал три основных метода осуществления социального контроля: изоляцию, суть которой заключается в том, чтобы поставить непроходимые перегородки между девиантом и всем остальным обществом без каких-либо попыток исправления или перевоспитания его; обособление — ограничение контактов девианта с другими людьми, но не полную изоляцию от общества; такой подход допускает исправление девиантов и их возвращение в общество, когда они будут готовы вновь выполнять общепринятые нормы; реабилитацию, рассматриваемую как процесс, в ходе которого девианты могут подготовиться к возвращению к нормальной жизни и правильному

исполнению своих ролей в обществе. Можно также выделить две формы социального контроля: формальный, включающий в себя уголовное и гражданское право, органы внутренних дел, суды и т. д.; неформальный, предусматривающий социальное вознаграждение, наказание, убеждение, переоценку норм. Таким образом, сущность социального контроля заключается в стремлении общества и различных составляющих его общностей укреплять конформизм своих членов, культивировать «социально желательные» формы поведения, воспрепятствовать девиантному поведению, а также вернуть девианта в русло соблюдения социальных норм.

1.2 Исследование девиантного поведения в зарубежной социологии

В современной социологии девиантного поведения сложилось множество научных традиций, подходов и теорий. Приверженность исследователей девиации к той или иной научной школе зависит, в сущности, от того, какие используются методы, принципы и парадигмы исследования, какое значение придается тем или иным социальным факторам.

Разработчиком одной из первых социологических теорий девиантности на основе данных статистики является Ламбер Адольф Жак Кетле (1796-1874, который по праву может считаться и социологом-позитивистом, исследователем проблем преступности. С его именем в истории науки связан переход социальной статистики от сбора и описания фактов к установлению устойчивых корреляций между показателями, или статистических закономерностей.

Кетле Ламбер Адольф Жак (Quetelet) (1796-1874) - бельгийский астроном, математик и статистик, социолог-позитивист; один из создателей научной статистики, иностранный член-корреспондент

Петербургской АН (1847). Установил, что некоторые массовые общественные явления (рождаемость, смертность, преступность и др.) подчиняются определенным закономерностям, применил математические методы к их изучению. Обобщал всевозможные цифры, касающиеся народонаселения, климата, торговли, бедности, образования, преступности и др. Кетле пытался подсчитать количество уголовных преступлений за последние десятилетия и высчитать процент уголовных элементов в человеческом обществе. При его участии были организованы национальные статистические общества в Англии и Франции. Кетле стал инициатором создания Международной статистической ассоциации для кооперации усилий по сбору социальной информации и созыва в 1853 г. I Международного статистического конгресса в Брюсселе. Его библиография по статистике насчитывает 65 работ.

Работа Кетле «О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной жизни» (1835) помогла социологам перейти от умозрительного вывода ничем непроверяемых «законов истории» к индуктивно выводимым и статистически рассчитываемым социальным закономерностям. По существу, с этого момента можно начинать отсчет социологии (в терминологии Кетле «социальной физики») как строгой, эмпирически обоснованной науки.

Географические обзоры совершенных преступлений позволили Кетле выдвинуть гипотезу о том, что концентрация преступности может находиться во взаимосвязи с «моральным климатом» отдельного региона, что и легло в основу его статистической теории девиантности. На основе данных, полученных с помощью статистического метода, он вводит понятие «среднего человека» и одним из первых рассматривает феномен преступного поведения социологически: не с позиций индивида, его патологий, а в рамках социоцентрической ориентации. А.Кетле обнаружил, что число совершаемых преступлений и девиантных проступков из года в год в данном обществе остается почти неизменным.

В целом стабильна и структура преступности. Статистически аргументированные и доказательные социологические выводы Кетле привели его к убеждению, что преступления не являются механической суммой произвольных «свободных» деяний, а представляют собой нечто целое, подчиненное определенным, объективным законам.

Выдающийся немецкий социальный мыслитель и социолог Карл Маркс (1818-1883) - создатель социально- политической теории марксизма, также исследовал проблему девиантного поведения. Маркс одним из первых в XIX столетии обратил внимание, в частности, на феномен преступности не с точки зрения антропологии и статистики, а с социально-политических, точнее, классовых позиций.

Несмотря на то, что К.Маркс относительно мало писал непосредственно о социальных отклонениях, он рассматривал эти проблемы капиталистического общества в рамках социоцентрической, социологической ориентации. При этом исследователь придавал объективным феноменам капиталистической эксплуатации, обнищанию и преступности не относительное, а абсолютное значение. Преступность в буржуазном обществе, по Марксу, - неустранимое явление. Он писал, что «подобно праву, преступление... коренится в тех же условиях, что и существующее господство» [25].

В ряду ярких марксистских исследований преступности находится известная работа Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844-1845). В этой монографии Энгельс называет преступление «наиболее грубой и самой бесплодной формой... возмущения». Следовательно, преступность, по Энгельсу, - это проявление социальной войны, когда «каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных... И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от года все яростнее, ожесточеннее и непримиримее» [24]. С позиций марксизма рабочий крадет от нужды и бедности, тем самым он осознанно либо не осознанно выражает протест против эксплуатации.

Фактически Энгельс опубликовал одно из первых самостоятельных социологических исследований проблемы преступности в рамках марксизма, где явно обоснована социально-классовая сущность преступного поведения.

Важное различие между концепцией девиантного поведения марксизма и других социологических теорий состоит в том, что Маркс не скрывал политико-идеологической ориентации своего социально-классового, экономического детерминизма девиантности.

В конце XIX века становится все яснее, что на отклоняющееся поведение в огромной мере влияют групповые социально-психологические механизмы, делающие возможными передачу и усвоение социальных норм, а также сбои в социально одобряемой социализации и адаптации индивидов.

К проблеме отклоняющегося поведения Габриель де Тард (1843-1904), несмотря на юридическое образование и опыт следственной деятельности, подошел как социолог и социальный мыслитель. В 1886 году он опубликовал свою первую книгу - «Сравнительная преступность», в которой, применяя статистический метод, собрал и проанализировал многолетние данные о преступности во Франции. Уже в первой своей работе Тард придаёт решающее значение социальным и психологическим факторам.

В другой своей работе «Философия наказания» (1890) Тард разрабатывает идею о профессиональном типе преступника и, по сути, его профессиональной карьере. «Всякая крупная социальная или антисоциальная профессия притягивает к себе всех тех, кто обладает к ней известным предрасположением, если только выбор занятия свободен; если существует разделение на касты, то наблюдается накопление известных свойств путем наследственной передачи; так благородные рождаются храбрыми, евреи - банкирами и пр.» [20].

В книге «Законы подражания» (1890) Тард анализирует влияние социальной среды на поведение личности и группы. Он считает, что «социальный организм по существу своему подражательный и подражание играет в обществе роль, аналогичную с наследственностью в физиологических организмах». Следуя данной логике, исследователь пришел к заключению, что в основе постижения преступного ремесла лежит подражание.

Термин «аномия» Дюркгейм впервые использует в своей докторской диссертации «О разделении общественного труда» (1893г.) Более точное определение аномии исследователь приводит несколькими годами позднее, объясняя на основе теоретизирования и анализа эмпирических данных суициды в книге «Самоубийство» (1897г.) Дюркгейм понимает под аномией такое состояние общества, при котором отсутствует четкая непротиворечивая регуляция поведения индивидов и образуется нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. Аномия возникает в результате социальных изменений, которые могут идти как в сторону экономического краха, так и в сторону расцвета общественной жизни. [18]

Преступления наблюдаются во все времена и во всех типах обществ, поэтому, считает Дюркгейм, они имеют все симптомы нормальности: «Поскольку не может быть общества, в котором бы индивидуумы не отличались бы в большей или меньшей степени от среднего коллективного типа, постольку неизбежно, что среди такого рода отклонений существуют и отклонения преступного характера. Такой характер они приобретают не в силу каких-либо внутренне присущих данному деянию качеств, а в связи с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, если оно обладает достаточным авторитетом, чтобы подавить эти отклонения, оно само становится вместе с тем более чувствительным,

более взыскательным. Выступая против малейших отклонений с энергией, проявляемой до этого только в отношении более значительных нарушений, это сознание придает им столь же серьезное значение, какое раньше придавалось преступлениям. Другими словами, оно определяет их в качестве преступных. Итак, преступность необходима; она прочно связана с основными условиями любой социальной жизни и именно в силу этого полезна, поскольку те условия, частью которых она является, сами неотделимы от нормальной эволюции морали и права» [17]

Ценность идей Дюркгейма и в том, что они позволяют сделать чрезвычайно важный вывод о значении последовательной и планомерной работы по поиску и применению различных форм социального контроля.

Наиболее яркое и существенное развитие социоцентрический подход к концепции аномии получает в работах известного американского социолога-функционалиста Роберта Мертона (1910-2003). Под влиянием взглядов Э. Дюркгейма Мертон приходит к убеждению, что некоторые социальные структуры способствуют отклоняющемуся поведению отдельных членов общества. Подобно Дюркгейму, он видит в преступлении «нормальную реакцию нормальных людей на ненормальные условия». [26]. Если у Дюркгейма аномия связывается лишь с разрушением или ослаблением нормативной регуляции поведения в условиях быстрых социальных изменений, то у Мертона она возникает в силу «особого структурного разлада культуры». и является постоянным фактором социопсихологического напряжения в социальной системе. Поэтому самоубийство, по Мертону, есть одна из возможных поведенческих реакций на аномию, в числе которых могут быть преступление, алкоголизм, наркотизм, и иные формы девиантности.

Для удобства анализа Мертон аналитически разделяет культурную структуру общества на два элемента. Первый элемент состоит из целей, намерений, интересов личности, определяемых культурой. Второй - определяет, регулирует и контролирует приемлемые способы достижения

индивидом этих социально одобряемых целей. Мертон обращает внимание на то, что, начиная с ранних этапов социализации, усиленно акцентируется внимание личности на богатстве и престиже. Эти цели, по его мнению, приобрели в американском обществе в высшей степени символическое значение, поскольку «система культурных ценностей превозносит, фактически превышает всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом» [28]. «Укоренение цели денежного успеха в американской культуре означает, лишь, что американцы повсеместно подвергаются мощному натиску предписаний и правил, разрешающих право и даже обязывающих сохранять эту цель даже в том случае, если она ведет к частым разочарованиям. Престижные представители общества усиливают акцентирование целей культуры. Семья, школа и работа - основные факторы формирования структуры личности и целей американцев - также обеспечивают интенсивное воспитательное воздействие в этом направлении, столь необходимое в ситуации, когда индивиду приходится сохранять в неизменном виде постоянно ускользающую от него цель и довольствоваться невыполненным обещанием вознаграждения» [27].

По Мертону, аномия - это рассогласование, разрыв между социокультурными целями личности (группы), одобряемыми в обществе (материальный успех, престиж), и возможностями их достижения законными (институализированными) средствами.

Мертон предложил свою типологию из 5 типов адаптивного поведения личности (конформизм, инноваторство, ритуализм, ретретизм и бунтарство). В таблице 1 показана приемлемость или недопустимость определяемых культурой целей и институализированных средств их достижения. Знак (+) означает принятие, (-) - отказ, (+-) - отступление или отказ с заменой старых целей и средств на их новые стандарты.

Таблица 1

	Определяемые культурой цели	Институализированные средства
Конформизм	+	+
Инноваторство	+	-
Ритуализм	-	+
Ретретизм	-	-
Бунтарство	+-	+-

Следует заметить, что Мертон рассматривает эту типологию не как набор личностных типов, а как перечень способов ролевой адаптации личности к специфическим социальным условиям. Рассмотрим ее подробнее:

1) Конформизм. Наиболее распространенный и обычный тип ролевой адаптации личности. Он характерен принятием и социально одобряемых целей, и социально доступных, институализированных средств их достижения. Конформизм, считает Мертон, обеспечивает стабильность и преемственность в обществе. Поведение в рамках общепризнанной роли, ориентированной на достижение успеха, представляет собой правило, соответствует общественным ожиданиям и поэтому не считается девиантным. К девиантным в широком смысле, то есть неадекватным по целям или способам приспособления личности к требованиям общества, следует отнести следующие четыре типа статусно-ролевой адаптации: инноваторство, ритуализм, ретретизм и бунтарство. В узком смысле, как считал Мертон, к девиации относится только инноваторство.

2) Инноваторство состоит в принятии социально одобряемых целей с отказом от институализированных способов их достижения и внедрении новых приемов незаконного приспособления, в том числе криминальных: краж, разбоев, рэкета, беловоротничковой преступности и т.п. Криминальное инноваторство распространено, как

правило, в среде необеспеченных, низших классов и состоит в стремлении достичь общепринятых целей незаконными средствами.

3) Ритуализм проявляется в том, что социально-одобряемые цели подменяются или игнорируются как находящиеся за пределами достижимого, однако подчинение нравам, ритуалам продолжает поддерживаться с использованием институализированных средств. Ритуалы в этом случае выступают основой ролевой адаптации. Ритуализм обнаруживается в тех группах, где деятельность, первоначально задуманная в качестве средства достижения цели, становится самоцелью. Примером ритуализма является поведение махрового бюрократа.

4) Ретретизм состоит в пораженчестве, самоустраниении, квиентизме, бегстве от действительности. Ретретист, хотя номинально и находится в обществе, но, строго говоря, не принадлежит ему, так как не приемлет ни социально одобряемых целей, ни институализированных средств их достижения. Он уходит от борьбы за достижение социально одобряемого положения и материального успеха. Под этот тип приспособления подпадают отшельники, хронические алкоголики и наркоманы, бродяги (бомжи), праздношатающиеся, некоторые виды психоневротиков и психопатов.

5) Бунтарство (мятеж) имеет место в случаях, когда происходит отступление или отказ от принятых целей и средств их достижения одновременно с попытками создать новые идеалы, цели и средства их реализации. Освобождение от общепринятых стандартов, как правило, является результатом неудачи или ограниченности перспектив, что подвигает бунтарей к попыткам ввести «новый социальный порядок». К этой категории Мертон относит мятежников и революционеров.

Конструктивное обсуждение его концепции аномии научной общественностью стимулировало дальнейшее теоретическое осмысление и исследование девиаций и проблем социального контроля.

Известный американский социолог Альберт Коэн (р.1918), развивая аномическую теорию Мертон, разработал свой подход, в соответствии с которым девиантное поведение является следствием блокирования идеалов молодых людей и фрустрации их статуса. Коэн уточняет, что общество рекламирует не столько идею материального успеха, сколько стратегию повышения социального статуса, затрудняя процесс его достижения выходцами из беднейших слоев. Поэтому в поисках престижного социального положения, социального идеала, неимущая молодежь вынуждена совершать девиантные поступки. Он также обращает внимание на то, что выходцы из низшего класса проходят иную, в отличие от детей из среднего класса, социализацию, поэтому они проигрывают им конкуренцию в борьбе за более высокие социальные позиции в обществе. Преступное поведение считается «правильным в соответствии со стандартами этой субкультуры именно потому, что оно противоречит нормам господствующей культуры».

Существенный вклад в развитие теории аномии Р.Мертон был сделан американскими социологами Ричардом Кловардом (р.1926) и Ллойдом Олиным (р.1918) в 60-е годы XX столетия, которые постулировали свои предложения к концепции аномии, описав механизм реализации «нелигитимных возможностей» [21]. Кловард и Олин расширили мертоновскую теорию аномии, предложив различные типы вовлечения в девиантную активность, рассматривая адаптивное поведение девиантов уже с позиций не индивидуальных, а групповых ценностных

Следует отметить, что теория аномии Мертон получила развитие в трудах классика современной американской социологии Талкотта Парсонса (1902-1979), который предпринял попытку сформулировать общую теорию отклоняющегося поведения. По замыслу Парсонса, такая теория должна

была освещать общую сущность отклоняющегося поведения, его различные формы и факторы, их определяющие.

При этом если Мертон считал, что разрыв между определяемыми культурой целями и институализированными средствами их достижения представляет собой определяющий фактор «социального напряжения», то Парсонс рассматривает это рассогласование в качестве лишь одного из конкретных случаев. По его мнению, это напряжение может принимать и другие формы. Например, несоответствие ожиданий индивида относительно самого себя ожиданиям других людей по отношению к нему. Или неспособность индивида выработать определенные институционально ожидаемые привязанности, скажем, к лицам противоположного пола. В своей работе «Девиянтное поведение» [53] Парсонс, руководствуясь теми же логическими посылками, что и Мертон, расширяет типологию аномических адаптаций, используя систему не двух, а трех переменных. К анализу принятия-непринятия целей и средств их достижения он добавляет еще и анализ соответствия-несоответствия социальных ожиданий. Парсонс объясняет возникновение девиантных мотиваций невыполнением этих ожиданий. В итоге он построил классификацию девиантного поведения, состоящую из восьми вариантов, включающих четырехчленную типологию Мертона.

Современный американский социолог Роберт Дубин, подобно Парсонсу, социоцентрически модифицировал теорию аномии Мертона. Наряду с целями и средствами он ввел разграничение между институциональными нормами и действительным поведением индивидов и групп. Это нововведение позволило Дубину расширить мертоновскую типологию девиантных адаптаций до четырнадцатичленной в области инноваторства и ритуализма. [49]

Определенный вклад в развитие концепции аномии внес и американский социолог Тревис Хирши, который модифицировал в 1969 году идеи Мертона относительно ориентации людей на ценности материального

благополучия, введя понятие «социальных обручей». По его мнению, «чем больше люди верят в ценности, принятые обществом (например, в правильность законов), чем активнее они стремятся к успешной учебе, участию в социально одобряемой деятельности и чем глубже их привязанность к родителям, школе, сверстникам, тем меньше вероятность, что они совершат девиантные поступки».

С индивидоцентрических и психологических позиций социологическая теория аномии получила развитие в работах современных американских исследователей Роберта Макайвера и Дэвида Рисмена (их подходы и формулировки в целом схожи). «Психологическая аномия», по Макайверу, - это «состояние сознания» индивида, в котором чувство социальной сплоченности - движущая сила его морали - разрушается или совершенно ослабевает. Следовательно, Макайвер определяет аномию как «разрушение чувства принадлежности индивида к обществу»: аномический человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не существует более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования других людей. Единственным мировоззрением такого индивида становится философия отрицания. Макайвер связывает это явление с тремя «проблемными характеристиками современного демократического общества» - конфликтом культур, капиталистической конкуренцией и стремительностью социальных изменений. Исследователь выделяет три типа психологической аномии. Индивиды являются аномичными, когда:

- а) их жизни бесцельны вследствие отсутствия ценностей, что, в свою очередь, есть результат конфликтного столкновения различных культур и систем ценностей;
- б) они используют свою силу и возможности ради самих себя - результат утраты моральных ориентиров в обществе капиталистической конкуренции;

с) они изолированы от значимых человеческих отношений и связей из-за утраты «почвы своих прежних ценностей».

Опыт эмпирического, позитивистского исследования отклонений был развит в начале XX века (20-40 гг.) в Соединенных Штатах Америки и нашел отражение в теории социальной дезорганизации. Наибольший вклад в развитие эмпирических исследований социальных проблем и девиации внесен американскими социологами Робертом Парком (1864-1944), Эрнестом Берджесом. Исследования девиантов - обитателей городских кварталов расширили круг эмпирических методов, применяемых социологами для изучения социальных проблем (опросы, неформализованные интервью, картография, наблюдения). (1886-1966), Родериком Маккензи, Уильямом Томасом (1863-1947), Флорианом Знанецким, Харвеем Збороу, Клиффордом Шоу, Генри Маккеем и другими учеными, создавшими крупнейшую Чикагскую научную школу в социологии девиантного поведения.

Социальная дезорганизация, по мнению исследователей, - это распад общины, рост анонимности социальных контактов и ослабление неформального социального контроля. Таким образом, в исследованиях социологов-эмпириков Чикагской школы было доказано, что в условиях социальной дезорганизации культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, становятся противоречивыми, что ведет к ослаблению неформального социального контроля общины. Это и является важнейшей причиной девиантного поведения. Уровень преступности зависит не столько от типа района, миграции, безработицы, социального положения жителей, низких доходов, недостаточного образования, большого числа неполных семей, сколько от снижения эффективности неформального социального контроля, осуществляемого общиной.

Американский социолог и криминолог Эдвин Сатерленд (1882- 1950), используя во многом идеи и концепцию подражания Г.Тарда, создал оригинальную теорию дифференциальной ассоциации, претендовавшую

долгое время на универсальность. Впервые ее основные концептуальные положения были опубликованы в 1939 году в монографии «Принципы криминологии». В 1947 году Сатерленд несколько модифицировал свою теорию, и затем долгое время она оставалась без изменений.

Суть теории в том, что девиации обучаются. Ценности преступного мира воспринимаются в ходе индивидуального общения, коммуникации с преступниками. При этом частота и продолжительность контактов с представителями криминальных группировок, проститутками, торговцами наркотиков оказывают решающее влияние на интенсивность освоения норм отклоняющегося поведения. С помощью своей теории Сатерленд попытался дать объяснение двум феноменам.

Во-первых. Почему преступность по-разному распространяется в различных социальных группах? Во-вторых. Почему конкретный человек либо становится преступником, либо избегает этой участи? Ответ на первый вопрос Сатерленд нашел в том, что общество дифференцировано на социальные группы с криминальными или антикриминальными традициями. Из-за сильных криминальных традиций в некоторых социальных группах наблюдается и более высокий уровень преступности. Отвечая на второй вопрос, Сатерленд предложил идею дифференциальной связи (ассоциации). Смысл дифференциальной ассоциации Сатерленд концептуализировал в следующих принципах:

1. Криминальное поведение не наследственно, ему обучаются. Это социологическое утверждение отрицает возможность того, что индивидуальная патология или биологические факторы влекут за собой девиацию. Более того, преступное поведение не уникально и не изобретается, а приобретает индивидами.
2. Образцы криминального поведения передаются в процессе взаимодействия индивидов лицом к лицу (face to face). Однако это значит, что теория дифференциальной ассоциации объясняет передачу

преступных взглядов и умений лишь на индивидуальном или групповом уровне (в первичных группах) и не учитывает возросшее влияние средств массовой коммуникации в формировании криминального поведения. Однако нужно помнить, что Сатерленд сформулировал положения своей теории до периода массового распространения телевидения и видеоиндустрии. Современные социологи - его сторонники, учитывая изменение социальной роли СМИ, модифицируют теорию дифференциальных ассоциаций в контексте глобализации и интернационализации информационных технологий. Таким образом, образцы криминального поведения передаются и с помощью массовых коммуникаций.

3. В процессе обучения преступному поведению люди заимствуют как технику преступления, так и специфику мотивов, стимулов и отношений. Хотя нужно признать, что некоторые преступления не требуют больших навыков. Например, некоторые формы воровства.

4. Специфике преступных мотивов и стимулов обучаются путем определения уголовного закона как благоприятного или неблагоприятного. Этот принцип предполагает, что обучаемые ориентируют мотивы своего поведения на действующий закон, причем некоторые ситуации рассматриваются людьми как благоприятные для нарушения закона. Например, оставленный без присмотра велосипед может рассматриваться некоторыми людьми как реальная возможность совершить кражу. Однако такая же ситуация может быть воспринята другим индивидом как неблагоприятная с точки зрения нарушения закона. Оставленный же без присмотра велосипед может выглядеть как случай, дающий возможность присмотреть за ним до тех пор, пока не вернется владелец.

5. Человек становится правонарушителем или преступником из-за того, что благоприятное отношение к нарушению закона преобладает над неблагоприятным. [40]

Многие правонарушители, особенно несовершеннолетнего возраста, нередко нарушают социальные и правовые запреты, при этом вполне осознавая их необходимость. Следует заметить, что молодые девианты не ориентируются на нормы соответствующей субкультуры, не являются жертвами аномийного состояния общества или процессов дезорганизации. Они совершают как вполне конформистские поступки, так и девиантные. Объяснение этому поведению американские социологи Грешэм Сайкс (р.1922) и Дэвид Матза дают в рамках теории нейтрализации в связи с тем, что нарушители, используя некоторые особенности нормативной системы общества (условность некоторых норм), оправдывают свое поведение исходя из ситуаций.

Подобное оправдание проступка снимает вопрос о виновности за содеянное. Сайкс и Матза выделяют в этой связи пять психологических способов такого оправдания:

1) Отрицание ответственности. Девиант в этом случае стремится представить себя как жертву обстоятельств, пытается обосновать отсутствие злого умысла в своих действиях или переложить ответственность на других.

2) Отрицание вреда. Если ответственность за содеянное слишком очевидна, то девиант обычно старается минимизировать наличие ущерба или вреда от своих действий. Например, угон машины представляется как шалость или шутка.

3) Отрицание наличия жертвы. В случае если девиант признает свою ответственность за отклоняющееся поведение, причем вред в результате этого отрицать невозможно, он обычно применяет прием переключения внимания на жертву преступления. Жертва демонизируется или представляется искусителем. Девиант становится

потерпевшим. Насильники нередко утверждают, что молодая особа спровоцировала его на акт сексуального насилия.

4) Осуждение осуждающих. Девиант не останавливается даже перед тем, чтобы перевести внимание со своих действий на действия осуждающих его людей. Например, преступники часто представляют сотрудников милиции как садистов, судей как взяточников.

5) Обращение к ценностям или важным обстоятельствам. Оправдание отклонения может состояться и на основе торжества групповых ценностей. В таких случаях девиант рассматривает законы и нормы общества как устаревшие, «неразумные». Такая личность соблюдает нормы лишь тогда, когда это выгодно, когда это не противоречит важным обстоятельствам.

Проблемам социального контроля уделено немало внимания в работах современных американских социологов Роберта Мертона, Альберта Коэна, Роберта Берджесса, Рональда Айкерса, Уолтера Реклесса, Ивана Ная, Дэвида Матзы, Грешама Сайкса, Тревиса Хирши, Говарда Беккера и Эдвина Лемерта. Подчеркивая важное значение социального контроля в определении типа социального поведения (это объединяет всех исследователей), они существенно расходятся в оценках его меры, форм и направленности.

Для теории социального контроля весьма важно ответить на вопрос, что является причиной конформизма, и тем самым косвенно определить условия, способствующие девиации, поскольку отсутствие факторов, формирующих конформное поведение, является одновременно причиной девиантности. С другой стороны, для теоретиков этого направления важно положение фрейдизма, в соответствии с которым люди естественно склонны к девиации, если не применяются меры социального контроля. Следовательно, отсутствие социального контроля над индивидами есть причина девиантного поведения.

Важный вклад в развитие социологии девиантного поведения был сделан американскими социологами-интеракционистами Фрэнком Танненбаумом, Эдвином Лемертом, Говардом Беккером, Джоном Китсьюзом, Каем Эриксоном, Эдвином Шуром, а также немецким криминологом Фрицем Заком. Эти исследователи разработали концептуальные основы теории стигматизации. В различных источниках она именуется как теория «лейблов», «клеймения», «наклеивания ярлыков», «социетальной реакции». Стигма, или клеймо, - это характеристика индивида или группы, которая считается в обществе пороком.

Теория стигматизации базируется на двух основных положениях:

1) Во-первых, отклоняющееся поведение следует интерпретировать не как нарушение социальной нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в результате социальной реакции. Поэтому в теории стигматизации особое значение придается силе слова и реакции общества на поведение людей.

2) Во-вторых, «клеймение» порождает и усиливает девиантность. В этом смысле отклоняющееся поведение есть ответ индивида на стигматизацию, который ведет к вторичному отклонению, в ходе чего формируется девиантная идентичность.

По оценкам интеракционистов, при определенных условиях социальный контроль и стигматизация являются факторами развития преступного поведения и иных отклонений. Следовательно, концепция стигматизации еще раз подчеркивает важный социологический вывод о преимущественно социальной детерминации современной преступности. Этот подход, начиная с 50-х годов XX столетия, получает широкое признание и распространение среди исследователей в США и Западной Европе.

В большинстве новейших социологических исследований (например, в работах Рут Трипплетт и Роджера Джарлжоура, 1994) теория ярлыков получает эмпирическое подтверждение, но эффекты стигматизации рассматриваются не как прямые, а в основном как косвенные причины девиантного поведения. Тем не менее, теория стигматизации имеет важное методологическое и прикладное значение. Она оказала существенное влияние на развитие социологических и криминологических исследований девиации в рамках теории конфликта, радикальной криминологии, модернизма и постмодернизма.

Новые теории девиантности, под влиянием феноменологии, феминизма и постмодернизма, разделяющие «критические» позиции по отношению к науке эпохи модерна, к капиталистическому обществу в целом, законотворчеству и правосудию в западных странах, наряду с неомарксистскими работами, составили основу современной критической криминологии. Это направление девиантологической мысли объединяет сторонников левого реализма, миротворческой криминологии, феминизма, конститутивной криминологии и постмодернизма. Все они занимают критические позиции по отношению к традиционной позитивистской криминологии, современному рыночному капитализму западного образца, его системе правотворчества, уголовного судопроизводства и исполнения наказаний.

Левый реализм как направление в критической криминологии сложился в работах британских криминологов Мэтьюза и Джока Янга (1987,1992). В США его популяризацией занимался Уолтер ДеКессереди. Левый реализм возник в значительной степени как реакция на левый идеализм с тем, чтобы дать адекватное определение преступности и предложить пути ее сокращения. Дж. Янг сформулировал концепцию «квадрата преступности», выделив четыре базовых его элемента: государство, общество, преступник и жертва. Именно эти элементы, по Янгу, оперируют в пространстве и времени, продуцируя преступления. Левые

реалисты полагают, что уличная преступность реальна и опасна, особенно для представителей низших классов, тех, кто является жертвой классового неравенства и угнетения. Они предлагают не ослаблять борьбу с преступностью, но вести ее в направлении превенции, снижения сроков заключения и минимального их использования. Левые реалисты предлагают реформировать систему уголовного правосудия, сделать ее более эффективной, снизить репрессивность законодательства при усилении правительственной помощи рабочему классу и беднейшим слоям общества.

Концептуализация миротворческой криминологии в книге «Криминология как миротворчество» (1991) и ее популяризация – заслуга Гарольда Бреннера Пепински (1917-1998) и Ричарда Куинни. Последователями миротворческого подхода и аболиционизма в Европе стали скандинавские криминологи Т.Матисен, Н. Кристи, голландец Л.Хусман. В основе миротворческой криминологии лежат гуманистические идеи из некоторых религиозных, марксистских, феминистских учений. Христианство, буддизм проповедуют смирение, любовь к ближнему, отказ от насилия, а современная система уголовного правосудия опирается на принципы репрессивного противодействия преступности.

Феминизм (Ф.Адлер, Р.Саймон, К.Дей-ли, М.Чесни-Линд, М.Маерс, Д.Клейн и др.) в девиантологии и криминологии опирается на анализ различий по социальному (гендер) и биологическому (секс) полу, а также фундаментальное положение, состоящее в том, что женщины по причине гендерной дискриминации находятся в подчиненном положении и процессе устранения этой зависимости. Ранние работы Фреды Адлер «Сестры в преступлении» (1975) и Риты Саймон «Женщина и преступление» (1975) поставили проблему расхождения в уровнях преступности между женщинами и мужчинами. Объяснение этого феномена они нашли не в биологических различиях, а в специфике социализации, в приобретении феминной или маскулинной идентичностей.

Постмодернистская криминология как критическое научное направление формируется в 80-е, 90-е годы на исходе века в работах Б. ДиКристина, Э.Янг, Дж.Фэррела, К.Хейворда, Д.Миловановича не как одна теория, а как группа относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности. Среди них: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая криминологии. Постмодернистская криминология – это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере девиантности и преступности, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна. Криминология постмодерна стала востребована потому, что прежние позитивистские теории недостаточно адекватно объясняют причины девиантности и преступности и, следовательно, предлагают не вполне реалистичные решения по совершенствованию социального контроля.

Тем не менее, развитие девиантологии и криминологии в постмодернистской перспективе - реальный факт, позволяющий увидеть новые базовые черты науки третьего тысячелетия. Попытку структурировать их сделал американский криминолог–постмодернист Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Будущее криминологии видится Уэллсу в следующих утверждениях:

- 1) более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- 2) более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- 3) скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;
- 4) ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;

- 5) нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- 6) более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области.

Во второй половине 70-х и в 80-е годы прошлого столетия увлечение социологов и криминологов теоретическим синтезом привело к появлению целого ряда модернистских интегративных теорий девиантности и преступности. Это работы Говарда Каплана (1975), Рональда Айкерса(1975), Ричарда Куинни (1977), Дэлбета Эллиота (1979), Ричарда Джонсона(1979), Марка Колвина и Джона Паули(1983), Фрэнка Пирсона и Нэйла Уэйнера(1983), Джеймса Уилсона и Ричарда Хернштайна(1985), Томаса Бернарда(1986), Мервина Крона(1986), Джона Хагэна(1988) и многих других исследователей.

Мервин Д.Крон (1986) в своей сетевой теории предложил более сложную интегративную модель преступного поведения на основе социального обучения, социальных связей и социального контроля в процессе взаимодействия индивидов в форме социальной сети. Крон считал, что чем ниже плотность сети по отношению к плотности населения, тем слабее ограничения против несоответствия нормам и тем выше уровень преступности. Для макромоделей при прогнозировании преступности существенна роль социоструктурных факторов. Родни Старк (1987) обосновал структурную теорию преступности с использованием концепта «экология среды обитания». Он объединил влияние ряда средовых (плотность населения, ветхость жилья) и экономических (бедность) факторов на преступность. Джон Хагэн (1988) выдвинул структурную теорию контроля власти, пола и поведения, где объединил базовые элементы неомарксизма, гендерного анализа и теорий контроля. Для микро-макромоделей характерно объединение положений из процессных и

структурных теорий девиантности. Фрэнк Пирсон и Нэйл Уэйнер (1985) предложили модель интеграции на основе социального обучения с включением пропозиций из теории социальной связи, устрашения и рационального выбора теорий напряжения и использования незаконных возможностей. [21]

Особого внимания заслуживает опыт пост-постмодернистского синтеза криминологических знаний Грэга Барака (р.1948). Свою модель интеграции Барак выстроил исходя из положений интегративного подхода Дж.Тикосинера с его идеей объединения всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку, теории структуризации социолога Э.Гиденса, конститутивной теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С.Генри и Д.Миловановича, постмодернистской криминологии. Основу теории Барака составляют такие посылы из конститутивной криминологии, как положение о релятивном и сконструированном характере девиантности и преступности. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Преступное поведение – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. Согласно модели Г.Барака, преступность и социальный контроль над ней – результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние. Отсюда основа его пост-постмодернистского синтеза представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин. Ученый интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и репрессиями, из естественных и социальных наук

(культурологии и человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии). Пост-постмодернистский подход Барака предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции в современной науке о преступности.

Культуральная криминология представляется одним из последних достижений криминологической теории. Нельзя сказать, что ее положения абсолютно оригинальны. Важно, что преступность еще и еще раз воспринимается как элемент культуры. «Культура» выступает не в привычном для российского читателя исключительно «позитивном» смысле, как нечто положительное (отсюда бытовизмы: «культурный человек», «культурное поведение»), а как способ существования общественного человека. [23] Способ существования, результатами которого являются как «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, так и надписи на заборе, как труды А. Эйнштейна, так и школьные шпаргалки, как возвышенная любовь, так и порнография, как подвиг, так и преступление (вспомним «Преступление и кара, подвиг и награда» П. Сорокина). Д. Гарланд (David Garland) продолжая Фуко, исследует роль власти в стратегии социального контроля. Гарланд увязывает социальные изменения последних десятилетий, сконцентрированные в изменяющейся культуре, новые вызовы среднего класса (middle class), испытывающего страх перед преступностью (fear of crime) с противоречивой политикой властей. С одной стороны, это адаптивная стратегия (adaptive strategy) с приоритетами превенции и партнерства (разновидность - концепция community policing, в которой полиция представлена как сервисная служба, содержащаяся на деньги налогоплательщиков и призванная предоставлять услуги населению по защите от преступлений [55]. С другой стороны, стратегия «суверенного» полномочного государственного контроля (sovereign state strategy) и жесткого, «экспрессивного» (expressive) наказания. Культуральную криминологию, наряду с Гарландом, развивают Дж. Янг (Jock Young), Дж. Феррел (J. Ferrel), К. Хейворд (K. Hayward) и др. Культуральная

криминология есть рассмотрение преступности и контроля над ней в контексте культуры, взгляд на преступность и агентов контроля как на культуральные продукты, созданные конструкции (as creative constructs). [8] Д. Янг является одним из тех криминологов, которые применяют социологическую концепцию дифференциации людей на «включенных»/«исключенных» (inclusion/exclusion) для объяснения преступности в современном мире [56].

В большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля. «Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции. Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5-6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека. [35] Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления. Мировое криминологическое сообщество выступает против смертной казни; за минимизацию лишения свободы и допустимость ее применения только за тяжкие насильственные преступления и только в отношении совершеннолетних преступников; за расширение сферы деятельности «восстановительной юстиции» («restorative justice») и ювенальной юстиции; за приоритет превенции и службы пробации; внедрение практики медиации; и др.

Мировая криминология фиксирует появление новых – компьютерных, киберпреступлений (electronic-crime или e-crime), а также переосмысляет некоторые «старые» по содержанию преступления, придавая им новый

смысл. К таким преступлениям относятся «преступления ненависти» (hate crimes) и «стокерство» (stalking). Преступления по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды - «преступления ненависти» были всегда. Однако со второй половины XX столетия эти преступления приобрели характер острой социальной проблемы. Глобализация ускорила миграцию, смешение рас, этносов и культур, религий и обычаев. Это приводит к взаимному непониманию, раздражению по поводу «их» нравов, обычаев, привычек, стиля жизни и т.п. Следует отграничивать преступления ненависти от еще одного вида преступлений, не артикулируемого в отечественной литературе, - «стокерства» или «сталкерства» (stalkers – упорные преследователи, «охотники»). [52] Потенциальными и реальными жертвами стокеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья и т.п.), сослуживцы, коллеги по профессии, соученики. Нередко «стокерство» - результат психических отклонений, но может быть и следствием ревности, зависти, мести. Существенное отличие «стокерства» от «преступлений ненависти» состоит в том, что, во-первых, стокеры преследуют конкретное лицо, а не неопределенный круг лиц, принадлежащих к ненавистной группе. Во-вторых, стокер преследует и может учинить насилие по личным мотивам, вытекающим из личных неприязненных отношений (зависть, ревность, месть и т.п.)

2. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Социологические исследования девиантного поведения в отечественной науке

История отечественного изучения девиантного поведения в соответствии с общественно-политическими условиями, влияющими на его развитие, может быть условно разделена на несколько периодов:

- 1) от первых идей (начало XIX в.) до 1917 г. («царский период»);
- 2) с 1917 г. до начала 1930-х гг. (ранний советский период);
- 3) с начала 1960-х до конца 1980-х гг. (поздний советский период);
- 4) с начала 1990-х гг. до наших дней (постсоветский период).

Социологические исследования самоубийств.

Самоубийство, суицид, суицидальное поведение (лат. *suī* — само, *ceadere* — убивать) — намеренное лишение себя жизни. Под самоубийством понимаются два разнопорядковых явления: во-первых, индивидуальный поведенческий акт, лишение себя жизни конкретным человеком; во-вторых, относительно массовое, статистически устойчивое социальное явление. К суицидальному поведению относят завершённый суицид, суицидальные попытки (покушение на свою жизнь) и намерения. Одним из самых ранних свидетельств социологического осмысления девиантных проявлений явился доклад, прочитанный академиком К.Германом на заседаниях Российской Академии наук 17 декабря 1823 г. и 30 июня 1824 г., на тему "Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 годы". Автор доклада, сделанного за 70 лет до классического труда Э. Дюркгейма (1897) [18], сравнивая число самоубийств и убийств по отдельным губерниям и регионам России, сопоставляет их с пьянством, экономическим положением,

социально-политическими условиями (например, последствия войны 1812 г. в Смоленской губернии, где отмечался повышенный уровень самоубийств). В результате Герман делает удивительно глубокий для своего времени вывод, усматривая главные причины исследуемых явлений в крайностях: в диких нравах или утонченной цивилизации, в анархии или политическом гнете, в нищете или чрезмерном богатстве. И еще один вывод, значимый и сегодня: динамика числа убийств и самоубийств за ряд лет "позволяет по крайней мере частью узнать нравственное и политическое состояние народа". Исследования самоубийств активно продолжались в конце прошлого и начале нынешнего столетия. Интерес к проблеме был в значительной мере вызван резким ростом ("эпидемией") самоубийств в стране. При этом наметилось несколько исследовательских подходов: медико-статистический, клиничко- описательный, психологический и собственно социологический. Клинические основы понимания этого феномена заложили С.С.Корсаков, И.А.Сикорский, Н.И.Баженов, С.А.Суханов, В.Ф.Чиж, Ф.В.Рыбаков, П.Г.Розанов, И.О.Зубов. Нельзя не назвать и П.Ф.Булацеля, автора монографии "Самоубийство с древнейших времен до наших дней" [2], обобщившего огромный исторический материал. В 80-е годы XIX в. И.П.Лебедев провел в условиях стационара обследование покушавшихся на самоубийство и интерпретировал полученные данные с позиций теории дегенерации. Им впервые был поставлен вопрос об уточнении границ между нормой и патологией, выделении промежуточных состояний у суицидентов. Позднее Г.И.Гордон, представитель психологического направления, отметил отсутствие достоверного критерия для разграничения нормы и патологии. Возникновение самоубийств как в юном, так и зрелом возрасте некоторые исследователи объясняли под влиянием фрейдизма нарушением "инстинкта самосохранения" или пробуждением "инстинкта смерти" (Г.И.Гордон, И.А.Сикорский). Именно в России складывается междисциплинарный подход к изучению самоубийств, и впервые термин "сюисидология" — предшественник современной "суицидологии" — науке о самоубийствах —

появился в течение 1891–1903 гг. в работах российских врачей — П.Г.Розанова, Ф.К.Тереховко, И.О.Зубова. Хотя среди медиков вообще психиатров в частности преобладало представление о покушении на свою жизнь как симптоме психического заболевания (Г.И.Гордон, И.О.Зубов, И.П.Лебедев, П.Г.Розанов и др.), однако такие крупнейшие психиатры, как В.М.Бехтерев и И.А.Сикорский, неоднократно подчеркивали значение социальных факторов, включая условия семейного и школьного воспитания. Они же обращали внимание на необходимость общественных усилий для предупреждения суицидального поведения. В обосновании и утверждении социологического направления в суицидологии значительную роль сыграли труды педагога А.Н.Острогорского, юристов М.Н.Гернета, А.Ф.Кони, социолога Н.М.Михайловского, а также психологов и психиатров Н.П.Бруханского, Я.Г.Лейбовича, М.Я.Феноменова. Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений изучал В.А.Бернацкий, женские самоубийства — Н.И.Григорьев, С.Богатина. Ряд исследователей усматривали связь между действием макросоциальных факторов и уровнем самоубийств. В.М.Бехтерев на VII Пироговском съезде (1902) назвал причиной самоубийств социально-экономические условия, а на Первом съезде русского союза психиатров и невропатологов, созванном в память С.С.Корсакова (1911), говорил о тяжести существовавшего тогда режима как причинном факторе. В своем выступлении В.М.Бехтерев отрицал отнесение суицида исключительно к поступкам здоровой личности и считал самоубийство невозможным без "угнетающего аффекта". Значительная часть суицидологических работ была посвящена самоубийствам детей, подростков и молодежи. Так, еще К.Герман обратил внимание на рост показателей самоубийств в детском и подростковом возрасте. Среди работ этого направления наиболее заметное место занимает исследование М.Я.Феноменова [47]. Автор проанализировал данные за 12-летний период и, сравнив их с европейскими, показал более интенсивный рост детских и подростковых самоубийств в России. Динамика самоубийств связывалась

Феноменом с быстрыми социальными изменениями, в том числе и на социально-психологическом уровне. Связь самоубийств среди рабочей и учащейся молодежи с социально-экономическими факторами — голодом, безработицей, пьянством — отмечали Г.И.Гордон, Л.А.Прозоров и др. В целом дореволюционный период изучения проблем суицидального поведения характеризуется широким спектром методологических подходов, постепенной "социологизацией" проблемы, значительным количеством эмпирических исследований (статистических, клинических), становлением суицидологии как мультидисциплинарной отрасли научных знаний.

После Октября 1917 г. продолжалось изучение медико- биологических и психиатрических проблем суицидального поведения. Важнейшим шагом в социологическом их исследовании явилось создание в 1918 г. в составе Центрального статистического управления (ЦСУ) Отдела моральной статистики во главе с М.Н.Гернетом. В 1922 г. вышел первый выпуск "Моральной статистики", включая сведения о самоубийствах и социально-демографическом и профессиональном составе суицидентов по различным европейским странам с 1894 по 1914 г., в том числе и по России (материалы о самоубийствах в России собирались впервые). Учитывалось время совершения самоубийств (сезонность). В 1923 г. в "Вестнике статистики" были опубликованы собранные и обработанные Отделом моральной статистики при ЦСУ сведения по 36 губерниям России относительно количества, мотивов и способов самоубийств с подробными социально-демографическими характеристиками суицидентов. Отмечалось, что способы самоубийств в городах значительно отличаются от способов, применяемых в уездах. Женщины сравнительно с мужчинами предпочитают отравления, утопление, реже применяют огнестрельное оружие. К отравлению и холодному оружию прибегают чаще в столицах, в уездах же предпочитают утопление. В 1927 г. издана работа о самоубийствах в СССР в 1922-1925 г. [41] со вступительной статьей Д.П.Родина и предисловием М.Н.Гернета. В книге сравнивались показатели по СССР с данными ряда европейских

государств, приводились сведения по различным городам СССР, давался анализ самоубийств по социально-демографическому составу суицидентов, мотивам и способам самоубийств, а также — впервые — о предшествующих самоубийству покушениях (суицидальных попытках), днях, часах и месте совершения самоубийства. Столь подробные сведения с тех пор не публикуются в России и поныне. Было зарегистрировано снижение количества и уровня самоубийств в годы Первой мировой войны в воюющих странах и с некоторым временным запозданием — в нейтральных государствах. Аналогичная тенденция к снижению отмечалась и в годы Второй мировой войны, в частности, в работах А.Подгурецкого. По окончании войн кривая самоубийств ползет вверх. Среди суицидентов послевоенного времени возросла доля душевнобольных. Н.П.Бруханский видел два пути предотвращения самоубийств: первый — оздоровление нервно- психической жизни населения и второй — борьба с социальными болезнями. В 1929 г. был опубликован последний статистический сборник "Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг." [42]. На этом и закончилось исследование самоубийств и публикация работ в нашей стране на многие десятилетия (за исключением некоторых публикаций клиничко-психиатрического характера). В начале 30-х гг. произошла реорганизация ЦСУ, в результате которой был ликвидирован сектор социальных аномалий. К этому времени сложилось мнение о суициде как о проявлении психического заболевания. Изучение проблемы самоубийств перешло в ведение психиатрии. Статья М.Н.Гернета 1933 г. "Рост самоубийств в 20 капиталистических странах" говорит сама за себя: отныне на несколько десятилетий тематика девиантного поведения могла освещаться лишь под рубрикой "их нравы".

Прошло более 40 лет. В 1971 г. Я.И.Гиляинскому удалось изучить все материалы милицейского и прокурорского расследования по фактам самоубийств в четырех районах Ленинграда (двух центральных и двух "спальных"). В 1971-1972 гг. аналогичное исследование было проведено в

г.Орле. Результаты смогли быть опубликованы лишь в 1979г. в Таллине, под грифом "Для служебного пользования" тиражом 150 экз.[44]. В процессе исследования были изучены социально-демографические характеристики суицидентов, мотивы и способы самоубийств, пространственно-временное их распределение. Было обращено внимание на относительно высокий уровень суицидального поведения среди лиц с низким или маргинальным статусом — рабочих, служащих без специального образования, лиц без определенных занятий. Большая заслуга в возрождении отечественной суицидологии принадлежит А.Г.Амбрумовой, организовавшей первую за несколько десятилетий встречу специалистов — семинар по суицидологии (1975), создавшей и возглавившей Всесоюзный суицидологический центр и суицидологическую службу Москвы, начавшей выпуск сборников трудов по проблемам суицидологии (первый из них вышел в 1978 г.) [1]. Придерживаясь в объяснении суицидального поведения концепции социально-психологической дезадаптации личности, Амбрумова отстаивала мультидисциплинарный характер суицидологии, выступала против узко медицинского (психиатрического) понимания самоубийств, сумела привлечь к исследовательской деятельности помимо психиатров и психологов также юристов, социологов (С.В.Бородин, М.З.Дукаревич, А.С.Михлин, Л.И.Постовалова, А.Р.Ратинов и др.). В 1984 г. Л.И.Постовалова защитила кандидатскую диссертацию "Социологические аспекты суицидального поведения", явившуюся определенным итогом работы социолога в суицидологическом центре. В результате многочисленных эмпирических исследований москвичей (А.Г.Амбрумова, С.В.Бородин, А.С.Михлин, Л.И.Постовалова, В.А.Тихоненко и др.) и петербуржцев (Я.И.Гишинский, В.К.Мягер, Н.Н.Проскурнина, Л.Г.Смолинский и др.) были выявлены зависимости суицидальных проявлений от социально-демографических и психологических свойств индивидов, от социально-экономической и политической ситуации в стране, мотивы самоубийств, а также особенности их пространственно-временного распределения. В целом характеристики

отечественного суицидального поведения соответствуют международным закономерностям: мужчины чаще, чем женщины добровольно уходят из жизни; "пики" завершённых самоубийств приходятся на возрастные группы 45-55 лет, 75 лет и старше; суицидальные попытки чаще совершаются молодыми людьми (20-24 года), наблюдается весенне- летний максимум при осенне-зимнем спаде. В 70-е — 80-е гг. уровень самоубийств среди рабочих был существенно выше (в 2,5 раза), чем среди служащих. Очень высок уровень самоубийств в армии, особенно в 80 — 90-е гг. (А.Зюскевич, А.Лазарев и др.). Междисциплинарный подход в суицидологии внес существенный вклад в становление отечественной девиантологии. Исследования самоубийств осуществлялись и в других республиках СССР (И.Алиев в Азербайджане, А.Кельник в Эстонии и др.).

Изучение пьянства и алкоголизма

Принято различать потребление алкогольных напитков — известное тысячелетия и приносящее немалые радости людям; злоупотребление алкоголем, или пьянство, влекущее противоправное поведение, нарушающее нормальную жизнь других людей, становящееся привычкой, неотъемлемой чертой образа жизни пьяницы, и алкоголизм (с 1979 г., по Международной классификации болезней, — "синдром алкогольной зависимости") — заболевание, развивающееся в результате пьянства, проявляющееся в виде физической и психической зависимости от алкоголя и приводящее к психической и социальной деградации личности, патологии обмена веществ, внутренних органов, нервной системы. Проблемой является пьянство и алкоголизм, тогда как потребление алкогольных напитков не относится к девиантному поведению. По мнению И.А.Голосенко, отечественная наука довольно быстро перешла от изучения медицинских проблем алкоголизма к более широкому социологическому анализу этого явления [12]. С историей изучения алкоголизма связано первое упоминание этиологического значения социального фактора в нашей стране. Московский врач К.М.Бриль-Краммер в работе 1819 г. "О запое и лечении оного" отметил, что большинство

леченных им больных алкоголизмом заболели с периода Отечественной войны 1812 г., "когда многие лишились своего покоя, имущества и ближайших своих родственников..."[6]. Им была показана также более высокая частота алкоголизма у людей низших сословий, испытывающих постоянный гнет и лишения. В числе исследователей проблем алкоголизма следует назвать В.М.Бехтерева, Д.К.Бородина, Д.Н.Воронова, В.К.Дмитриева, С.А.Первушина, И.Янжула. Ими подвергалась сомнению легенда об особой "предрасположенности" русского человека к "питию". Только создание системы государственных кабаков (с XVI в.) резко изменило ситуацию достаточно жесткого социального контроля над потреблением алкоголя к худшему [29]. В 1898 г. для изучения проблемы была создана комиссия Российского общества народного здоровья по вопросу об алкоголизме под руководством психиатра М.Н.Нижегородцева. Комиссия исследовала условия, способствующие развитию алкоголизма среди отдельных групп населения. Были проведены анкетные опросы среди рабочих об отношении к алкоголизму. Результаты были доложены на Первом съезде психиатров: по петербургским рабочим — В.И.Магидовым, по бакинским рабочим — О.А.Каспарьянцем, по данным Риги и Нарвы — Тальчи. По политическим мотивам был снят, но впоследствии напечатан доклад "Развитие взаимоотношений между нищетой и алкоголизмом". Активно обсуждали проблему алкоголизма выдающиеся российские психиатры. В.М.Бехтерев в дискуссии с Л.С.Минором и Ф.Е.Рыбаковым подчеркнул ведущую роль воспитания и подражания в социальной этиологии алкоголизма. На Первом съезде по борьбе с алкоголизмом его выступление было проникнуто социальными мотивами. В 1889 г. с письмом-ответом на запрос редактора (Ч.Ломброзо) в одном из итальянских психиатрических журналов выступил С.С.Корсаков. Влечение к одурманивающим веществам он связал с отсутствием положительной социальной стимуляции. Чрезвычайно современно звучат положения С.С.Корсакова о влиянии налогового бремени и безработицы, ведущих к обнищанию рабочих. Там, где

выше налоги, пьянство более распространено; в периоды безработицы большое количество слабохарактерных людей приобретают привычку к пьянству. В 1907 А.И.Шингарев провел монографическое обследование двух сел Воронежской губернии и установил, что во многих семьях не было необходимых продуктов питания, но водка имела в каждой избе. В течение 1900–1915 гг. был осуществлен ряд эмпирических исследований алкоголизации. Исследование А.М.Коровина охватило 22 617 школьников в 358 сельских школах Московской губернии. Из опрошенных мальчиков употребляли алкоголь 67,5%, из девочек — 46,2%. С возрастом употребление алкоголя нарастало. А.М.Коровину удалось проследить влияние семьи на алкоголизацию детей. Интенсивность алкоголизации населения изучалась также К.К.Толстым и В.Радкевичем, причины пьянства — Д.Н.Бородиным, влияние некоторых социальных факторов — А.Лосицким, И.Чернышовым, И.В.Сажиним, А.Н.Залмансоном, урбанизации — Д.Н.Вороновым. Широко использовались статистические данные для оценки алкогольной ситуации. При этом были выявлены некоторые нетривиальные факты. Так, наблюдалось массовое тяготение к алкоголю людей с наименьшими доходами, но и увеличение материального достатка сопровождалось ростом расходов на алкоголь. Низкая культура "подпитывала" стремление к алкоголю, но в крупных городах — центрах культуры и образования — пили больше, чем в слабо урбанизированных регионах. Активно исследовалась степень алкоголизации различных групп населения в связи с социально-демографическими характеристиками. В частности, отмечалось, что в деревнях больше пили бедняки и зажиточные крестьяне — "кулаки", тогда как середняки оказались трезвенниками. Так, по мнению В.К.Дмитриева, решающее значение в динамике алкоголизации принадлежит экономическим факторам, процессу индустриализации, тяжелому положению городского пролетариата. Новая волна исследований была осуществлена в связи с "сухим законом" 18 июля 1914 г. Хотя в первое время фиксируется некоторый положительный результат (снижение производственного

травматизма, пожаров, начавшийся интерес к совершенствованию трудового процесса), однако уже к концу 1915 г., по данным социологических исследований, ситуация возвращается на круги своя, появляется массовое потребление суррогатов — политуры, денатурата, а в деревне наблюдается огромный рост самогонварения, расширяется контрабанда спиртного.

С 1925 по 1932 г. были проведены обследования около 33 тыс. учащихся в городах Российской Федерации, Украины и Белоруссии. Использовались методы анонимного анкетного опроса и "замаскированного интервью" во время профилактического медицинского осмотра (Э.И.Дейчман, В.Липский и И.Тетельбаум, А.И.Исхакова, И.Канторович). Эти исследования дали картину существовавшей в то время алкоголизации детей и подростков с особым акцентом на влияние родительской семьи. Среди взрослого населения влияние социальных факторов алкоголизации изучали Р.Влассак, А.С.Шоломович, З.И.Израельсон и В.В.Петиков, Т.Синкевич, В.Ф.Невзоров. Результаты показывали рост употребления алкоголя и увеличение связанной с алкоголизацией заболеваемости. В трудах М.Н.Гернета анализировались статистические данные о потреблении алкоголя, преступлениях, связанных с ним, о "тайном винокурении" и борьбе с ним, а также подчеркивалась неэффективность запретительных мер. Российская ситуация сравнивалась с американской, где развилась контрабанда спиртом после введения "сухого закона". В 1928 г. создается "Общество борьбы с алкоголизмом" (ОБСА), просуществовавшее два с половиной года. С начала 30-х гг. тема пьянства и алкоголизма не исчезла полностью из советской печати, но перерождается в "антиалкогольную пропаганду". Считалось, что при социализме нет социальных предпосылок алкоголизма. Однако уже в конце 50-х гг. Д.Д.Федотов и Э.А.Бабаян заявляют, что мысль, будто бы алкоголизм после ликвидации его социальных корней исчезнет, неверна. Причины сохранения алкоголизма они видят в пороках воспитания, дурных традициях, подражательстве. Вновь ставится вопрос о психогигиене микросоциальной среды. Тогда же А.М.Рапопорт,

подчеркивая первостепенную важность социальных факторов (экономических, культуральных, бытовых, ритуальных и пр.) в этиологии алкоголизма и критикуя эскапистские, психодинамические, конституционально-типологические подходы (сегодня разочаровавшие и западных исследователей), предлагает организовать статистическое изучение алкоголизации. Целью такого изучения должно было стать решение вопроса о размерах, форме и динамике алкоголизма. Исследовательская работа возобновилась по существу лишь в 60-е гг. На IV Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров (1963) министр здравоохранения СССР С.В.Курашов отметил, что социально-гигиенические проблемы алкоголизма незаслуженно забыты. За этим выступлением последовала серия исследований (А.К.Качаев, А.И.Кузнецов, И.Г.Ураков, В.П.Бокин, Н.Я.Копыт, В.В.Ногаев, В.Т.Запорожченко, В.М.Банщиков, Ю.Р.Скоробогатов, Ю.П.Лисицин). Однако объектом этих исследований было не все население, а лишь лица, доставленные в вытрезвитель, совершившие правонарушения в состоянии опьянения, пьянствующие на производстве, находившиеся в состоянии опьянения во время вызовов к ним скорой помощи. В середине 70-х гг. ставится вопрос о комплексных исследованиях с социологическими учреждениями в рамках изучения промышленного алкоголизма. Примером плодотворности такого подхода может служить работа З.Т.Сочневой с соавторами. На одном из крупных предприятий был проведен анкетный опрос 1500 работающих. Показаны: более низкий социально-профессиональный статус страдающих хроническим алкоголизмом, более высокий уровень их конфликтности в микросоциальном окружении, более низкая общая удовлетворенность жизнью на фоне более высокого дохода, производственная нестабильность и т.д. Появляются фундаментальные труды Г.Г.Заиграева, Н.Я.Копыта, Б.М.Левина, Ю.П.Лисицина, П.И.Сидорова и др. [14] Социальным, медицинским и психологическим проблемам пьянства и алкоголизма посвящены также исследования Б.С.Братуся, Б.М.Гузикова, В.М.Зобнева, А.А.Мейрояна. В

конце 80-х гг. Г.В.Морозов обобщает результаты этого цикла исследований. Для начальных форм алкогольной болезни важны микросоциальные факторы — неполная семья, нарушение внутрисемейных отношений, педагогическая запущенность, отсутствие условий для правильного досуга. Социально-демографические и культуральные особенности популяции определяют различия в инициальном потреблении, однако по мере формирования и прогрессирования алкогольной болезни их значение стирается. Важным фактором алкоголизации выступает миграция населения, так как среди мигрантов высока доля лиц с недостаточной микросоциальной адаптацией. Важным выводом автора представляется то, что мотивация поддержания употребления алкоголя является предметом не столько медицинских, сколько психологических и социологических исследований. Для социологии девиантного поведения несомненны заслуги Г.Г.Заиграева, который, во-первых, всегда отстаивал социологический подход в изучении пьянства и алкоголизма; во-вторых, организовал ряд эмпирических социологических исследований, результаты которых отражены в серии его трудов. Большую роль в становлении отечественной социологии девиантности сыграли работы А.А.Габиани. Им были проведены эмпирические социологические исследования многих проявлений социальных девиаций как на территории Грузии, так и в других регионах СССР, включая Россию. Не явились исключением пьянство и алкоголизм. Опубликованные результаты исследования (разумеется, с грифом "Для служебного пользования") [31] позволяют судить о структуре, динамике и географии алкоголизма в Грузии, о социально-демографическом составе лиц, имеющих проблемы в связи с алкоголем, о производстве и реализации алкогольных напитков в республике, о размерах дохода от продажи алкоголя и размерах ущерба от его потребления (сальдо в "пользу" ущерба) и даже — о наполненности тбилисских ресторанов в зависимости от сезона, дней недели и времени суток. Между тем проблема, разумеется, осталась, и к середине 90-х гг. все больше специалистов возвращаются к осмыслению существующей ситуации.

Одна из серьезных работ самого последнего времени — доклад А.В.Немцова "Алкогольная ситуация в России"[32].

В ней отмечаются негативные последствия антиалкогольной кампании середины 80-х гг. (в частности, рост токсикомании и наркомании); отставание роста цен на алкогольные изделия от роста цен на другие товары (в 1990 г. средняя зарплата равнялась цене 16 л водки, к концу 1992 — 29 л, в конце 1993 г. — 33 л) ; массовое поступление в продажу фальсифицированных алкогольных изделий; резкий скачок алкопотребления с соответствующими последствиями (рост смертности от цирроза печени в России с 1988 по 1993 г. почти в два раза, от отравления алкоголем — почти в четыре раза, рост заболеваний алкогольными психозами — в 5,8 раза . Впервые Россия вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя (по расчетным данным — 14,5 л в 1993 г.), обогнав традиционного лидера — Францию (13,0 л).

Социологические исследования наркотизма.

Наркотики — средства (вещества) оказывающие воздействие на психику и поведение человека; их потребление способно приводить к формированию физической и/или психической зависимости (наркомании), состоянию, при котором человек испытывает потребность в регулярном приеме таких средств. Международными и государственными органами здравоохранения устанавливается и изменяется перечень веществ, относящихся к наркотическим средствам. Потребление наркотических средств может быть либо обусловлено заболеванием и рекомендовано врачом в качестве лекарственного средства (так называемое медицинское потребление наркотических веществ — болеутоляющих, психостимуляторов, снотворных и др.), либо носит характер немедицинского потребления ("злоупотребление"), т.е. потребления самовольного, без назначения врача или в дозах, превышающих назначенные, или продолжающегося после отмены назначения, или же прием иных средств, нежели были рекомендованы врачом.

Наркомания (от греч. *nark* — оцепенение и *mania* — безумие, страсть) — заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости от наркотических средств, непреодолимом влечении к ним, постепенно приводящим к глубокому истощению физических и психических функций организма.

Токсикомания — также заболевание, но вызванное потреблением не наркотических средств, а иных токсических веществ, формирующих зависимость и оказывающих разрушительное воздействие на психику и организм человека. В качестве токсических средств могут употребляться различные лекарственные препараты, предметы бытовой химии (лаки, краски, клей, бензин, ацетон и т.п.).

Наркотизм — это относительно распространенное, статистически устойчивое социальное явление, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических (или токсических) средств и соответствующих последствиях. Первые отечественные исследования наркотизма относятся к концу XIX в. В 1885 г., по заказу губернатора Туркестанского края А.К.Абрамова С.Моравицким было проведено исследование, в котором подробно изложены способы употребления и виды наркотиков, способы выращивания, а также количество посадок и даже цены на наркотики Моравицкий С. [34]. Потребителей наркотических веществ Моравицкий делит на две категории: людей, употребляющих то или другое наркотическое вещество по привычке; людей, употребляющих эти вещества случайно, чтобы веселее быть на пирах. В этой же работе есть ссылка на сходное исследование Г.Гребенкина в Самаркандской области, описанное в "Туркестанском ежегоднике" за 1876 г. Проблема наркотизма находится на стыке многих наук: медицины, права, культурологии и девиантологии. Важный вклад в ее изучение внесли юристы, журналисты, медики и другие специалисты. Часто исследования, посвященные медицинским или юридическим аспектам наркотизма, содержат информацию социологического характера и представляют в этом плане несомненный

интерес. Так, в публичной лекции доктора С.Н.Данилло (1894) "О влиянии некоторых ядов (спирт, опий, гашиш) на сознание у человека" имеется ссылка на некие статистические расчеты о количестве пьяниц и наркоманов в мире: 600 млн пьяниц и 300 млн наркоманов. До конца XIX в. наркотические вещества использовались как обычные медикаментозные средства. Термин "морфинизм" как обозначение болезни появился лишь в 1874 г. и поначалу был принят ученым миром в штыки. В начале XX в. появляются исследования И.Левитова и Л.Сикорского. Однако более активное изучение наркотизма происходит уже в 20-е гг. Первая мировая война и революция стали благодатной почвой для развития наркотизма. Происходит рост числа потребителей наркотиков, развивается рынок наркотических веществ - наркотизм становится заметной проблемой. А.Рапопорт обобщил материалы обследования 400 кокаинистов (1926). М.Н.Гернет в 1926 г. проанализировал результаты распространенности наркомании среди беспризорных Москвы. После Октября 1917 г. наркомания, алкоголизм и т.п. рассматривались как пережитки старого быта, которые должны быть уничтожены в краткие сроки. Интересные статистические сведения о работе московских наркодиспансеров в период с 1924 по 1928 г. приводит А.С.Шоломович. Важно отметить, что Шоломович подчеркивает тесную связь наркотизации населения с социально-бытовыми условиями, а также считает, что наркотизм, обусловленный социально-биологическими причинами, захватывает огромные слои населения (50-60%) и предлагает выделить "наркологию" в особую отрасль науки и практики, так как видит необходимость в методическом изучении данной проблемы. Н.К.Топорков различает "наркотистов" — лиц, пристрастившихся к потреблению наркотических средств в силу социальных условий, и "наркоманов" — лиц с патологической конституцией. Связь наркотизма и преступности отмечают М.Т.Белоусова и П.И.Люблинский. При этом ряд исследователей фиксируют относительно меньшую частоту и тяжесть преступлений, совершаемых наркоманами (И.Н. Введенский, А.М. Рапопорт). Потребление наркотика (кокаина) чаще

следовало за преступлением, а не предшествовало ему. В работе Р.Голант содержится анализ социального состава, возраста и причин приобщения к наркотикам. Ею описаны 189 случаев морфинизма, из которых большой процент падает на медицинский персонал. Горовой-Шалтан в 1919-1922 гг. наблюдал 42 случая морфинизма, причем более половины потребителей оказались лицами медицинской профессии. Наркомания среди медиков была более распространена, чем среди представителей других профессий. Подводя некоторые итоги этого этапа, необходимо отметить, что начало века стало переломным моментом в понимании проблемы наркотизма. Большинство исследований носило описательный, эпидемиологический характер, адекватно отражающий имевшиеся научные подходы, изменение ситуации и наличие социального заказа со стороны государства. Затем наступила эпоха "ликвидации" в стране наркотизма как социального явления, а, следовательно, и ненужности каких-либо исследований [14]. В конце 50-х — начале 60-х гг. стали появляться исследования либо медицинского характера (В.В.Бориневич, Я.Г.Голанд, И.В.Стрельчук), либо юридического — рассматривающие различного рода уголовно наказуемые действия с наркотиками (Л.П. Николаева, Орлов М.Ф. и др.). И лишь позднее тема наркотизма занимает прочное место в исследовательской деятельности (Э.А.Бабаян, Т.А.Боголюбова, А.А.Габиани, М.Х.Гонопольский, Р.М.Готлиб, И.Н.Пятницкая, М.Е.Позднякова, Л.И.Романова и др.). Одновременно с возвращением науки к теме наркотизма в оценке изучаемого явления проявились две основные тенденции. Первая носила явный отпечаток идеологического контроля со стороны партийного руководства страны и трактовала наркотизм как единичные случаи "экспериментирования с наркотиками", не носящие характера социального явления (Э.А.Бабаян, М.Х.Гонопольский), а потребители наркотиков рассматривались прежде всего как преступники. Это диктовало и репрессивный подход при лечении наркоманий в наркологии и психиатрии. Отрицалась сама возможность наркомании при социалистическом строе. В значительной мере эта позиция

официальной науки привела к отсутствию эффективной противонаркотической пропаганды и спровоцировала рост числа наркоманий в стране. По мере развития демократических процессов в обществе и снижения идеологического давления партийного руководства эта тенденция постепенно стала уступать место более научному отношению к наркотизму. От отрицания самого наличия такой проблемы наука пришла к осознанию необходимости разработки методического аппарата, конкретных, основанных на данных эмпирических исследований рекомендаций государственным организациям. Первое крупное эмпирическое социологическое исследование наркотизма на территории СССР было проведено в Грузии в 1967-1972 гг. под руководством А.А.Габиани. Результаты опубликованы в книге Габиани "Наркотизм", изданной с грифом «Для служебного пользования» [3]. "Наркотизм" явился первым значительным монографическим исследованием темы и содержал историко-теоретический раздел, методологическую часть, изложение результатов эмпирического исследования (данные о социально-демографическом составе и условиях жизни потребителей наркотиков, структуре потребляемых средств, возрасте приобщения к наркотикам и его мотивах), схему деятельности преступных групп по распространению наркотиков (возможно, это было первым эмпирическим исследованием преступных организаций в стране), а также программу медицинских, правовых и организационных мер борьбы с наркотизмом. В середине 80-х гг. под руководством Габиани было проведено исследование наркотизма в Грузии с изложением результатов обоих исследований в книге "Наркотизм: вчера и сегодня" [4]. В 1988-1989 гг. Габиани проводит широкое социологическое исследование наркотизма на территории Латвии, Приморского и Ставропольского краев, Горьковской, Новосибирской и Львовской (Украина) областей, в городах Москва и Ташкент (Узбекистан). В ходе исследования было опрошено 2 998 наркоманов и потребителей наркотиков, 2 000 экспертов (в этом качестве выступили работники правоохранительных и медицинских учреждений) и

чуть меньше 6 000 учащихся общеобразовательных школ и ПТУ. Особое внимание было обращено на обстоятельства приобщения к наркотикам: условия жизни, учебы и труда, повод "попробовать" наркотик, среда распространения наркотизма, с каких наркотических средств начинает новичок, где, с кем, когда происходит их прием, где добываются наркотики и средства на их приобретение. Исследователя интересовали и условия добровольного отказа от наркотиков, обращения за медицинской помощью и ее эффективность. Выводы в этой части достаточно пессимистические: "Чаще всего лечение наркомании не имело должного эффекта, а полного излечения не наступило ни в одном рассматриваемом нами случае". Поэтому "самое надежное средство борьбы с наркоманией — недопущение первичного обращения молодых людей к наркотикам" [5]. По этой причине тревожили полученные Габиани в 1989 г. сведения о том, что 750 тыс. (плюс-минус 100 тыс.) учащихся 14-17 лет хотя бы раз в жизни пробовали наркотические средства и столько же — токсические вещества. Если учесть, что, по мнению экспертов, к систематическому приему наркотиков и токсических веществ приобщается каждый десятый, то можно представить, какие масштабы приобрел наркотизм на территории СССР. Анализируя результаты исследования, Габиани подчеркивал реальность и размеры этой опасности, отмечал необходимость преодоления сложившихся по отношению к наркотизму стереотипов и значительного, многократного увеличения финансирования и материально-технического обеспечения мероприятий, направленных на решение этой социальной проблемы. Работы А.А.Габиани по социологическому исследованию наркотизма внесли заметный вклад в становление социологии девиантности в СССР. В 80 — 90-е гг. основным центром социологических исследований пьянства, алкоголизма и наркотизма становится сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологии АН СССР/ РАН (Б.М.Левин — руководитель, Ю.Н.Иконникова, С.Г.Климова, М.Е.Позднякова, Л.Н.Рыбакова и др.). Активизировалась исследовательская

деятельность в организациях и учреждениях МВД России (А.Я.Гришко, В.М.Егоршин, В.И.Омигов и др.). Социологические исследования проводились также медиками (Г.Я.Лукачер, Н.В.Макшанцева, В.А.Чудновский и др.) и психологами (В.В.Гульдман, О.Л.Романова и др.).

По мере становления отечественной социологии девиантности наркотизм стали рассматривать как разновидность отклоняющегося поведения. Чаще стали говорить о профилактике наркотизма, о продуманной социальной политике государства, о бесперспективности силовых методов борьбы с отклоняющимся поведением. По мнению известного психиатра А.Е.Личко, в развитии подростковых нарко- и токсикоманий главная роль принадлежит групповой активности. До 90% подростков впервые приобщаются к употреблению наркотиков и дурманных средств в компаниях сверстников, стремясь "не отстать от своих". Другим важным мотивом считается поиск необычных ощущений и переживаний. Исследование большой группы токсикоманов в возрасте от 9 лет до 21 года, проведенное Ц.П.Короленко и В.Ю.Завьяловым показало, что основными психическими эффектами, к которым стремились обследованные, были измененные состояния сознания. В.С.Битенский, А.Е.Личко, Б.Г.Херсонский в 1988 г. отметили роль социально-психологических факторов, которые способствуют обращению к наркотическим средствам, в частности, вопреки сложившемуся мнению о безделье как основной причине распространения наркомании и токсикомании, среди объективных причин "скука" была одним из самых редких условий, способствующих наркотизации подростков (1%). Наркотизм является прежде всего молодежной проблемой. Поэтому не случайно многие работы посвящены изучению молодежной и в частности подростковой наркомании и токсикомании (Г.Я.Лукачер, Н.В.Макшанцева, Т.В.Иванова и др.). В большинстве случаев злоупотребление наркотическими и токсическими средствами можно рассматривать как субкультуру. Причем авторы различают подростков, злоупотребляющих одурманивающими средствами, и сформировавшихся наркоманов и токсикоманов. По их

мнению, причины злоупотребления подростками одурманивающими средствами имеют социальный характер и должны рассматриваться в рамках непатологического (с точки зрения психиатрии) девиантного поведения. Профилактика же злоупотребления может быть успешной лишь при социальном оздоровлении самого общества. Внимание исследователей (Б.Ф.Калачев) привлекает и такая, раньше абсолютно закрытая тема, как распространенность наркотиков в армии. Исследование 1987 г., проведенное в Москве, Киеве и Краснодарском крае Госинспекцией вузов СССР, Главным управлением уголовного розыска МВД СССР, ЦК комсомола Украины, УВД Краснодарского крайисполкома, свидетельствует об актуальности проблемы. 6% опрошенных признали, что впервые они приобщились к наркотикам в армии. Исследователи считают, что источником наркотизации армии является распространенность наркотических средств среди молодежи допризывного возраста. Следует отметить одно из заметных исследований, которое было проведено в 1992 г. по заказу Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом. Оно охватывало семь экономических зон России, опрос проводился в 12 городах. По мнению автора (Г.Г.Силласте), Россия находится в состоянии хронического социально-экономического кризиса, что ведет к падению уровня социального оптимизма в обществе и, как следствие, обостряет проблему наркотизма — все больше людей приобщаются к потреблению наркотических и токсических веществ [46]. Проблемная ситуация, как считает автор, вызвавшая необходимость подобного исследования, — углубляющееся противоречие между стремлением властных институтов гуманизировать отношение к наркоманам, изменяя законодательство, с одной стороны, и стремительно расширяющимся в России потреблением наркотиков в немедицинских целях, увеличением количества наркоманов и случайных потребителей наркотиков, с другой. Тема исследования — "социальные последствия возможной легализации наркотиков в России". Исследователи пришли к следующим выводам:

1) В России стремительно нарастает угроза наркотизации населения. Наркотизация все больше затрагивает женщин (феминизация), охватывает все более широкие слои населения. Происходит изменение социальной базы распространения наркомании. Приобщенность к наркотикам становится все более массовой. Основным резервом этих процессов являются случайные потребители наркотиков.

2) В России существует нелегальный наркорынок. Практически все опрошенные эксперты (125 человек) признали это.

3) Большинство россиян не одобряют решения российского парламента и Президента о свободе потребления наркотиков в немедицинских целях, рассматривая это как первый шаг к легализации наркопотребления.

Среди прочих проблем социологии девиантности проблема наркотизма с 1989 г. изучается сектором Санкт-Петербургского филиала Института социологии АН СССР/ РАН. Наркотизм рассматривается как одна из форм "ретритистского" поведения населения в условиях аномического состояния общества.

Социологические исследования проституции.

Под проституцией (лат. prostituere – выставлять публично) понимается вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении. Отечественная социология знает немало оригинальных исследований конца XIX - начала XX в. Наиболее известны работы Н.Дубошинского, В.Тарновского, Ф.Мюллера, П.Обозненко, а также Н.Бабикова, В.Зарубина, И.Клевцова, М.Кузнецова, А.Сабинина, А.Суздальского. По мнению исследователей истории проституции в России, это явление существовало еще в допетровской Руси [37]. Однако, в литературе отсутствуют надежные данные об основных формах проституции и количестве женщин, вовлеченных в нее, в те времена. Пожалуй, одним из самых надежных источников, подтверждающих, с одной стороны, наличие данного феномена в XVII и XVIII вв. в России, а с другой – показывающих реакцию властей на это, является законодательство. В русском законодательстве XVIII в. складывается система безусловного запрещения "непотребства" – так называлась тогда проституция. Однако в то время в понятие "непотребства" входила и внебрачная связь. Позднее в Уложении о наказаниях 1845 г. эти понятия были разведены. Спрос на женскую проституцию объяснялся неудовлетворенной сексуальной потребностью мужчин в связи с социально-половой изоляцией (армия, закрытые учебные заведения и т.п.) либо с наличием физических или психических недостатков, либо в связи с проблемами брачной жизни, либо с другими обстоятельствами, препятствующими удовлетворению сексуальных потребностей социально одобряемыми способами. Однако в объяснениях участия женщин в женской проституции среди российских исследователей появились два расходящихся направления - антропологическое и социологическое. Экономические и социальные факторы рассматривались в качестве главных детерминант проституции, что в определенной мере подтверждалось результатами статистических исследований. Пожалуй, самым крупным исследовательским проектом того времени, впрочем,

непревзойденным до сих пор, было обследование поднадзорной проституции России, реализованное 1 августа 1889 г. Оно было произведено по инициативе Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи. Опрос проводился органами санитарно- полицейского надзора на местах: в Европейской России, Царстве Польском, на Кавказе, в Сибири и среднеазиатских владениях, за исключением Великого Княжества Финляндского, и охватил 17 603 женщины, занимающихся проституцией. Результаты исследования впервые подтвердили определенные теоретические представления о причинах проституции, в частности об экономических факторах. Это было единственное статистическое обследование, охватившее почти всю территорию России. Другие подобные работы ограничивались, как правило, отдельными территориями. На рубеже XIX и XX вв. в России проводилось и множество других исследований проблем проституции. Пожалуй, большинство эмпирических и статистических исследований было проведено медиками. Русские правоведы и юристы также принимали участие в научной и общественной дискуссии о проституции. Однако большинство работ, написанных ими, относится к проблемам социального контроля за проституцией — публикации А.Ф.Кони, М.С.Маргулиса, М.М.Боровитинова, В.И.Дерюжинского, В.Есипова и др. Последующие десятилетия характеризуются борьбой двух противоположных взглядов на проституцию: с одной стороны, аболиционистов, выступающих против регламентации государством проституции как с точки зрения общественной гигиены, так и морали, с другой — регламентаристов, считающих необходимым государственный и общественный надзор за проституцией. В 1863 г. в статье В.И.Ельцинского, автор подчеркивал социальную природу данного явления, неравноправие женщин, критиковал систему медико-полицейского контроля. Любопытны взгляды А.И.Ефимова, считавшего причиной роста венерических болезней среди крестьян распространение марксистских идей, искусственно перенесенных с Запада на русскую почву. В 20-е гг.

продолжалось исследование проституции. Летом 1924 г. в Москве была создана "Научно-исследовательская комиссия по изучению факторов и быта проституции". Проведенное ей исследование позволило определить социальный, национальный и возрастной состав московских проституток, а также их жилищные условия, связь проституции с наркоманией и алкоголизмом и основные причины занятия ею. Эмпирически-прикладные исследования проституции проводились не только в Москве, но и других городах России. Статистические данные о проституции были представлены в статье М.Н.Гернета [7]. Исследования 20-х гг. были в основном практически ориентированными на борьбу с проституцией как социальным злом, инициировались официальными органами (в частности, Народным комиссариатом социального обеспечения) и носили, как правило, выборочный характер.

После длительного перерыва к теме проституции начали обращаться лишь с конца 60-х гг. Первое эмпирическое исследование по этой теме было проведено врачом-венерологом В.С.Мыскиным в Москве. Социологические исследования проституции в 70-е гг. проводились под руководством М.И.Арсеньевой, а также группой сотрудников ВНИИ МВД СССР — К.К.Горяиновым, А.А.Коровиным, Э.Ф.Побегайло. В 80-е гг. под руководством А.А.Габиани проводится социологическое исследование проституции в Грузии, результаты которого были опубликованы первоначально под грифом "для служебного пользования", а затем и "для всех". Сравнительный анализ эмпирических исследований проституции в 1924 г. в Москве, в 1926-1927 гг. в Харькове, в 70-е гг. в Москве и в 80-е 64 гг. в Грузии предпринят в работе Я.И. Гилинского. Наблюдаются две основные тенденции: расширение социальной базы проституции (если в 20-е гг. проститутки рекрутировались преимущественно из малообразованных и малоимущих слоев общества, то в 70-е — 80-е гг. среди проституток преобладают лица с достаточно высоким образовательным и социальным статусом) и либерализация отношения к "древнейшей профессии".

Социально-правовые проблемы проституции и иных "отклонений" в сфере сексуальных отношений рассматриваются в работах А.П.Дьяченко, А.Н.Игнатова, П.П.Осипова, Я.М.Яковлева и др. Наконец, в 80-е же гг. появляются публикации Я.И.Гилинского, С.И.Голода, И.С.Кона, посвященные социологическому осмыслению и вторичному анализу эмпирических исследований проституции. [14]

Социологические исследования преступности.

Рассмотрение преступности как разновидности девиантности позволяет изучать общие причины, генезис, закономерности всех его форм, взаимосвязи между преступностью и иными проявлениями девиантного поведения, а также находить общие механизмы социального контроля. Преступность всегда считалась самым опасным видом "социальной патологии". Неудивительно, что из всех проявлений девиантности преступность была наиболее изучаемым объектом юристов, социологов, психологов, представителей естественных наук (биологическое, клиническое направления в криминологии). Многие исследователи считают, что одной из первых отечественных работ, посвященных криминологической тематике, явился труд А.Н. Радищева (1802) [38]. Им давался широкий анализ уголовно- статистических данных, высказывались соображения о причинах преступности, обосновывалась необходимость ее изучения. Доклад академика К.Германа [54] был первым эмпирическим исследованием не только самоубийств, но и преступлений – убийств. Российская криминологическая мысль XIX - начала XX в. была представлена блестящей плеядой ученых (по преимуществу специалистов в области уголовного права, в недрах которого вызревала криминология как наука о преступности или же социология преступности): М.Н.Гернет, С.К.Гогель, М.В.Духовской, Е.Н.Ефимов, А.А.Жижиленко, М.М.Исаев, А.Ф.Кистяковский, П.И.Люблинский, В.Д.Набоков, А.А.Пионтковский, Н.Н.Полянский, С.В.Познышев, Н.Д.Сергиевский, В.Д.Спасович, П.Н.Ткачев, И.Я.Фойницкий, Х.М.Чарыхов, М.П.Чубинский и др. Идея о

"криминологическом" расширении рамок уголовного права впервые в России была высказана в статьях М.В.Духовского и И.Я.Фойницкого (70-е – 90-е гг. XIX в.). Оба автора исходили из того, что, согласно данным уголовной статистики, источник преступлений коренится не только в личности преступника, но и в обществе; нельзя поэтому исходить из "свободной воли" преступника (постулат классической школы уголовного права); поэтому же нельзя рассчитывать на наказание как единственное (главное) средство контроля над преступностью; и вообще необходимо изучать социальные причины преступлений, расширив тем самым рамки традиционного уголовного права. И все же наибольшее значение для "социологизации" учения о преступности, для широкого применения статистических и всего спектра социологических методов (наблюдение, опрос, анализ документов, включая материалы уголовных дел) в криминологии, формирования собственно социологии девиантного поведения (с исследованием всех его основных негативных форм – преступности, алкоголизма, наркотизма, самоубийств, проституции, поиском общих причин и выявлением внутренних взаимосвязей и зависимостей — от экономики, политики, социальных отношений, культурологических факторов) имели, как представляется Я.И.Гилинскому, труды М.Н.Гернета. Достаточно перечислить только названия некоторых его работ: "Преступность и жилища бедняков", "Социальные факторы преступности", "Общественные причины преступности: Социалистическое направление в науке уголовного права", "Детоубийство: Социологическое сравнительно-юридическое исследование", "Дети - преступники", "Смертная казнь", "Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения", "Преступный мир Москвы", "Наркотизм, преступность и уголовный закон", "В тюрьме : Очерки тюремной психологии", "Женщины-убийцы", "Сто детей-наркоманов", "Преступность и самоубийства во время войны и после нее", "К статистике аборт", "К статистике проституции", "Статистика самоубийств в СССР" и множество других. Социологическая школа уголовного права своей важнейшей задачей

считала исследование взаимосвязей между социальными и экономическими процессами, социально-демографическими и психологическими характеристиками преступников, пространственно-временным распределением преступлений и — преступностью как общественным феноменом. Труды прогрессивных российских юристов конца XIX — начала XX в. в значительной мере заложили основы формирования в стране социологии девиантности. Объективности ради следует заметить, что наряду с классическим и социологическим направлениями криминологии, в России существовало и антропологическое, представленное прежде всего трудами Д.А.Дриля [15;16]. В годы советской власти преступность и ее виды были наиболее изучаемым проявлением социальных отклонений. Советская криминология получила богатое научное наследство. Большинство крупных ученых продолжили свою работу в новых условиях. В 20-е гг., да и позднее — вплоть до 60-х гг., социальные (криминологические) аспекты преступности исследовались преимущественно в рамках науки уголовного права (М.Н.Гернет, А.А.Герцензон, А.А.Жижиленко, М.М.Исаев, П.И.Люблинский, А.А.Пионтковский, Е.И.Тарновский, М.Д.Шаргородский, Е.Г.Ширвиндт, Б.С.Утевский, А.С.Шляпочников, А.Я.Эстрин и др.). В 20–30-е гг. внимание социологически ориентированных исследователей было сосредоточено на изучении экономических, социальных, демографических и иных факторов преступности. По классификации Жижиленко [19], криминогенные факторы находятся:

- 1) в окружающей природе,
- 2) в индивидуальных особенностях личности,
- 3) в условиях социальной среды.

М.Н.Гернет считал наиболее значимыми социальные факторы. Другое направление криминологической мысли тех лет — клиническое, сосредоточившее внимание на индивидуальных, характеристиках преступника (В.В.Браиловский, Н.П.Бруханский, С.В.Познышев и др.). Исследователями 20–30-х гг. был накоплен богатейший эмпирический и

теоретический материал однако, дальнейшая работа практически прекратилась на долгие годы. Процесс возрождения отечественной криминологии начался в 60-е гг. Ее первые шаги: книги А.Б.Сахарова, А.А.Герцензона, И.И.Карпеца, В.Н.Кудрявцева, Н.Ф.Кузнецовой; открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963); начало преподавания криминологии в юридических вузах страны (1964). В 1974 г. выходят "Избранные произведения" М.Н.Гернета. В 1975 — сборник материалов Всесоюзного научного семинара по проблемам криминологии "Вопросы изучения преступности и борьбы с нею". В сборнике помещены статьи-доклады, в том числе о классификации причин преступности Н.Ф.Кузнецовой, статья Г.И.Забрянского, освещающая проблемы уголовно-статистической информации. С конца 60-х — начала 70-х гг. криминология бурно развивается, разветвляясь на множество относительно самостоятельных направлений (преступность несовершеннолетних, насильственная преступность, экологическая преступность, семейная криминология, виктимология, прогнозирование и профилактика преступности и т.д.). В рамках данной работы мы сможем назвать лишь те из них, которые оказались наиболее значимыми для формирования социологии девиантности. Во-первых, это общетеоретические труды Г.А.Аванесова, Ю.Д.Блувштейна, С.Е.Вицина, Я.И.Гилинского, И.И.Карпеца, В.М.Когана, Н.Ф.Кузнецовой, В.Н.Кудрявцева, А.Б.Сахарова, Л.И.Спиридонова, А.М.Яковлева и др. Важно отметить социологизированность разделяемого этими авторами взгляда на преступность как порождение общества. Во-вторых, развитие методологии и методов социологического исследования преступности и ее видов (Г.А.Аванесов, Ю.Д.Блувштейн, С.Е.Вицин, Н.Я.Заблоцкис, Г.И.Забрянский, В.В.Панкратов и др.). В-третьих, теория, методология и методы региональных исследований преступности, "география преступности" (Ю.Е.Аврутин, Я.И.Гилинский, А.А.Габиани, Р.Г.Гачечиладзе, А.Лепс, М.Павельсон, Э.Раска, Э.Бунапуу).

С конца 80-х гг. все большее значение приобретают исследования социального насилия и насильственной преступности (С.Б.Алимов, Ю.М.Антонян, Я.И.Гишинский, А.П.Дьяченко, А.Н.Игнатов, С.В.Кудрявцев, Э.Ф.Побегайло, Д.А.Шестаков и др.), а также экономической и организованной преступности (Б.В.Волженкин, Я.И.Гишинский, А.И.Гуров, С.В.Дьяков, В.С.Овчинский, А.Я.Терешонок, А.М.Яковлев и др.). 90-е гг. характеризуются бурным развитием организованной преступности. Исследователи отмечают динамичное развитие преступных сообществ, слияние легальной и нелегальной экономической деятельности, криминализацию экономических и властных структур, политизацию организованной преступности. Важное значение для развития всей девиантологии имеет применение системного, организационного, структурно-функционального подхода к исследованию преступности (С.Е.Вицин, Я.И.Гишинский, Д.А.Ли [14])

2.2. Современные исследования девиантного поведения в российском обществе. Девиантное поведение как проблема современного российского общества.

Проблема алкоголизма в современном российском обществе.

Для России пьянство – старая и все обостряющаяся проблема. К 1992-1993 гг. Россия вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя: 13,9-14,5 л абсолютного (100%) алкоголя в год на одного жителя страны, обогнав традиционного лидера - Францию (13,0 л). Но на этом рост алкопотребления не остановился. «По официальным данным Роспотребнадзора (экспертные оценки даже выше), душевое потребление поднялось до 18 литров чистого алкоголя в год. Порог безопасности, определенный ВОЗ для любой страны в 8 литров, превышен, по крайней мере, вдвое – без принятия самых экстренных мер деградация России, ее народа неизбежна» (Н. Герасименко, академик РАМН, первый заместитель

председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья. По упомянутым данным ВОЗ (Всемирной Организации Здравоохранения), при уровне душевого потребления алкоголя свыше 8 л начинается «необратимое угасание этноса»...

Страшные последствия массовой алкоголизации населения России, особенно жителей малых городов и сельской местности, связаны не только и не столько с давними традициями, сколько с тяжелейшими условиями бытия большинства населения в XX в., перешедшими в век XXI. За эти годы сложилась «антикультура» питья: «Стародавние питейные привычки в России носили застольный, праздничный характер, и были преимуществом мужчин. Выпивки женщин и молодежи долго оставались позором. В новейшей истории России доминирует новый стиль потребления, когда пьют и в праздники, и в будни, не только не закусывая, но часто даже не приседая. Или на ящике-таре вместо стола, на газетке вместо скатерти, среди мусора и грязи. Стали привычными выпивки женщин и подростков. Это питейное бескультурье носит массовый характер и является лишь поверхностным отражением деградационных процессов российского общества, прочно связанных с неумным потреблением спиртных напитков» [33]

По данным медицинской статистики, около 2,7 млн. человек подвержены алкогольному заболеванию. Однако реальное количество больных алкоголизмом намного превышает число находящихся под диспансерным наблюдением. Возможное количество больных алкоголизмом, по оценкам экспертов, составляет около 5 млн. человек, или 3,4% от всего населения России. Сравнительный анализ динамики алкогольной обстановки в России и других странах показывает: при прочих равных условиях нарастание уровня потребления алкоголя в России, как правило, влечет за собой более пагубные для общества последствия. Развитие пьянства и алкоголизма в стране приобрело несколько иной, чем во многих других странах, характер, и степень их отрицательного воздействия на общество оказалась заметно выше и сильнее.

Потребление алкоголя приводит к преждевременной, предотвратимой смерти около полумиллиона человек ежегодно. В России очень высок уровень потерь, связанных с алкоголем: 26% от всех смертей в разной степени связаны с алкоголем – 30% у мужчин и более 15% у женщин в среднем по стране.

Наряду с общим ростом алкоголизации населения и увеличением заболеваемости алкоголизмом отмечается отчетливая тенденция к росту удельного веса женского алкоголизма по отношению к мужскому. В настоящее время в России зафиксировано 418 тыс. женщин с диагнозом «алкоголизм» и 74 тыс. «выпивающих с вредными для здоровья последствиями». Возросшая алкоголизация подростков и женщин значительно увеличивает риск алкогольных заболеваний, размеры неблагополучия в семьях, что в свою очередь приводит к безнадзорности и беспризорности детей, к раннему приобщению детей и подростков к алкоголю. На сегодняшний день в многочисленных публикациях указано, что, по данным Генпрокуратуры, в стране 178 тыс. детей-алкоголиков.

С 1 июля 2006 г. была введена новая, более жесткая система денатурирования технических жидкостей, содержащих алкоголь. С 2007 г. нарастает количество антиалкогольной информации в СМИ, начинается серия заседаний государственных органов в связи с алкогольными проблемами. 24 февраля 2009 г. Постановлением Правительства создано новое учреждение для регулирования алкогольного рынка «Росалкогольрегулирование», которое с 1 января 2010 г. установило минимальную цену на водку 89 рублей за 0,5 литра. Правительство РФ 30 декабря 2009 г. выпустило соответствующую Концепцию, целью которой является снижение к 2020 г. потребления алкоголя с 18 литров на душу населения до 8 литров. В отличие от 1985 г. новая кампания развивается постепенно. Предполагается, что на первом этапе (2010–2012) потребление снизится на 15% (до 15,3 литра), а на втором (2013–2020) – еще на 55% (до 8,5 литров). Намечено ограничение доступности спиртных напитков по

месту, времени и возрасту, а также санкции за нарушение режима продажи, вплоть до уголовной ответственности. На первом этапе предполагается существенно сократить, а на втором – «ликвидировать нелегальный алкогольный рынок».

Одним из последних трудов в российской социологической науке по изучению алкоголизма является Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН «Потребление алкоголя в России. Социологический анализ». Авторский коллектив: М. Е. Позднякова (руководитель коллектива, общая редакция проекта), Г. Г. Заиграев, Л. Н. Рыбакова, И. И. Шурыгина, В. В. Моисеева, Т. В. Чекинева. В результате данного исследования авторы приходят к следующим выводам:

1) Характерной особенностью ранней, первичной алкоголизации детей и подростков является отсутствие потребности в алкоголе и внутренней мотивации протеста. Один из основных факторов риска первых проб алкоголя – предвкушение, ожидание эмоционального воздействия употребления алкоголя. Потребление алкоголя для молодежи оказывается практической нормой, частью бытовой культуры и образа жизни, а нормы трезвости воспринимаются лишь как архаичная директива, которая самими взрослыми постоянно нарушается.

2) Наряду с пивом в качестве средства инициации выступают коктейли. В крупных городах значительное место занимают крепкие напитки. Алкогольные обычаи микросреды во многом определяют алкогольные установки подростков, их оценку пьянства окружающих, отношение к собственной алкоголизации.

3) Были выявлены гендерные различия в моделях потребления алкоголя как среди молодежи, так и в старших возрастных группах. Мужские и женские паттерны алкогольного поведения все меньше отличаются друг от друга. Сильное опьянение становится все более допустимым для женщин любого возраста.

4) Характерной чертой оказалась зависимость частоты потребления от возраста. С возрастом меняется и структура напитков. Чем старше возраст, тем крепче напитки.

5) Алкоголизация становится популярной сопутствующей деятельностью (практически наравне с прослушиванием музыки) в свободное время.

Проведение авторами нескольких волн онлайн-опросов показало, что нормативные представления об алкогольном поведении претерпели значительные изменения. В первую очередь это касается отношения к последним мерам государственного регулирования алкогольного поведения. С одной стороны, характерна повышенная интенсивность алкоголизации как по частоте потребления, так и по объемам потребляемого алкоголя, с другой – наблюдается противоречие между реальным алкогольным поведением населения и установками на социально одобряемое поведение, которые выражаются во мнениях о необходимости усиления репрессивных мер. Исследование показало, что имеются убедительные доказательства существования в современном обществе потребности в опьянении – изменении психического состояния с помощью спиртного. Массовое потребление алкоголя выполняет существенную социальную функцию и является на данном этапе общественного развития следствием объективно существующей потребности. Предпринимаемые государством меры ослабления остроты кризисного состояния алкогольной ситуации путем изменения алкогольной политики не учитывают объективных обстоятельств обращения к алкоголю, поэтому оказываются недостаточно эффективными и повторяют прежние ошибки государственного регулирования алкогольных проблем, заключающихся в основном в жестких ограничениях доступности спиртного по цене, времени и месту продажи при сохранении объективно обусловленного спроса на алкоголь. Такая политика, по мнению социологов, окажется не только не эффективной, но и приведет к росту незаконного алкогольного бизнеса, к широкому распространению самогона,

фальсифицированного алкоголя и иных психоактивных веществ для удовлетворения этой потребности и, в конечном счете, к повышению интенсивности алкоголизации.

Проблема наркотизма в современном российском обществе.

До не давнего времени в России практически отсутствовали социологические исследования по данной теме. Отсутствовали достоверные статистические данные, т.к. нет ни полицейского, ни медицинского спецучета злоупотребления наркотиками и их тяжелых социальных последствий. Новая тенденция в наркоситуации не имеет аналогов в изучении современного наркотизма в России. Проблема стремительного распространения различных «новых» психоактивных веществ для России достаточно нова, причем информация об этих веществах, в силу специфики их изготовления и сбыта, доходит до контролирующих институтов с большим опозданием и быстро устаревает. Самым актуальным на сегодняшний день исследованием по данному вопросу является научная статья Поздняковой М.Е. «Особенности современной наркоситуации в России» [39]

Полученные материалы исследования показали, что в современных российских условиях употребление наркотиков вписывается в общий контекст жизни человека. Главной особенностью наркоситуации в России является распространенность среди значительной части наркопотребителей как традиционных, «тяжелых», так и «легких» наркотиков (каннабиноидов), а также «новых» наркотиков и их сочетанное употребление. В России дизайнерские наркотики принято связывать в первую очередь с так называемыми курительными смесями, произведенными главным образом в Китае, которые появились на российском черном рынке в 2005 г. и к 2007 г. обрели широкую популярность. Распространялись главным образом через интернет (онлайн-магазины, объявления, специализированные форумы), а также свободно продавались в табачных киосках, магазинах курительных аксессуаров и т.д. К 2007 г. оборот «курительных смесей», представленных

многочисленными брендами, достиг своего пика, смеси можно было без труда достать практически в любом уголке страны. В апреле 2009 г. выходит постановление главного государственного санитарного врача России о запрете оборота ряда курительных смесей и ароматизаторов из-за содержания в их составе ядовитых веществ. В декабре 2009 г. JWH-018 и ряд других синтетических каннабиноидов вносятся в список наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. Примерно к 2009 г. на российский рынок легальных наркотиков начинают поступать всевозможные дизайнерские наркотики группы стимуляторов и энтактогенов, в состав которых чаще всего входили такие вещества, как 4-ММС (мефедрон), 5-АРВ, метилон, МДПВ, смешанные в различных пропорциях со вспомогательными веществами. Распространялись они в основном с помощью интернета. После многочисленных запретов, которые придали не легальный статус большинству дизайнерских наркотиков, ситуация на черном рынке стала кардинально меняться. В 2011 и 2012 гг. выходят новые запреты. В ответ на них меняются и способы реализации. Большая часть дизайнерских наркотиков реализуется посредством интернета. К 2010–2011 гг. основным источником информации по теме дизайнерских наркотиков, а также площадкой для их коммерческого распространения становятся специализированные форумы, такие, как legalrsc.biz, spice-forum.biz и другие. В июле 2012 г. принимается законопроект № 89417-6, предполагающий фильтрацию сайтов по системе черного списка и блокировку запрещенных интернет-ресурсов. В черный список попадают крупнейшие форумы и сайты, посвященные психоактивным веществам. Несмотря на то, что первенство в незаконном обороте наркотиков принадлежит каннабисной и опийной группам, «новые» наркотики получили достаточно широкое распространение. Зафиксированное исследователями изменение структуры наркотиков ярко выражено в первую очередь в группах студенческой молодежи. Их вовлеченность в наркопотребление – 30–40%. Именно молодежь является основным объектом наркодизайнерских

экспериментов. По данным исследования, в структуре студенческого потребления в последние годы значимое место занимают «новые» наркотики, которые не попали под запрет законодательства и трудно выявляются традиционными диагностическими методами, в то же время дешевы и доступны. У многих 18–23-летних они популярны в качестве первого (стартового) наркотика. Было выявлено, что возраст первой пробы наркотика в этой группе происходит после подростковой социализации, несмотря на школьную профилактику. Объясняется этот факт пропагандой безопасности «новых» психоактивных веществ и общей тенденцией к использованию различных химических средств воздействия на сознание и самочувствие.

Онлайн-опрос, проведенный среди жителей городов-миллионников и приравненных к ним, показал, что наиболее наркогенными городами оказались Санкт-Петербург, Калининград, Москва и Сыктывкар. (см. Приложение 1)

К факторам региональных особенностей вовлеченности населения в наркотизацию Позднякова относит:

- 1) Географическое положение того или иного региона: наличие государственной границы и крупных транспортных узлов, обуславливающих прохождение через территорию края маршрутов международного и внутрироссийского наркотрафика.

- 2) Миграционная привлекательность региона, наличие на территории региона большого числа мигрантов из республик Северного Кавказа и Средней Азии и этнических диаспор, являющихся традиционными потребителями наркотиков.

- 3) Курортная привлекательность региона. Значительные объемы сезонной миграции, кратно увеличивающей население городов-курортов способствуют высокой активности криминальных групп по организации сбыта наркотиков во время курортного сезона.

4) Климатические и агроэкономические условия региона, благоприятствующие или препятствующие выращиванию на его территории наркотикосодержащих растений (мака и конопли).

В сфере наркопотребления происходящие существенные трансформации привели к появлению новых моделей приобщения к наркотикам: все большее распространение получают «статусное» и «рекреационное» наркопотребление. Следует отметить, что в среде студенческой молодежи не зафиксировано употребление традиционного героина (см. Приложение 2). Среди трудоспособного населения имеют опыт употребления ПАВ с разной периодичностью (наркозависимость в исследовании не установлена) около 35% опрошенных (см. Приложение 3).

В результате исследования было выявлено, что поколение 50–55-летних отличается от других тем, что в нем доля пробовавших наркотики самая низкая. Во всех остальных возрастных группах опыт употребления наркотиков распространен практически равномерно – 28–30% респондентов. (см Приложение 4) Автор предполагает, что примерно 30-процентная доля тех, кто когда-либо пробовал наркотики – это устойчивая характеристика паттерна наркопотребления, сложившаяся еще в то время, когда наркотики начали пробовать те, кому сейчас 40–49 лет. Возрастная группа 50–55 лет в таком случае — это предыдущая генерация, поколение, в котором наркотические пробы были распространены в меньшей степени.

Значительные изменения произошли в женском наркотическом поведении. Если в старших группах (40–49 и 50–55 лет) доля женщин с опытом употребления наркотиков относительно мала (5–4%), и для них характерна «аптечная наркомания», получившая широкое распространение не только в России, но и на Западе, то в группе 30–39 лет она значительна. В двух младших поколениях доля женщин, имеющих опыт употребления наркотиков, устойчиво фиксируется на уровне 24%, что говорит о сложившейся норме женского наркоповедения (см. Приложение 5).

Структура наркотиков у молодых мужчин и женщин сегодня практически не имеет различий. Употребление «новых» наркотиков характерно для тех и других. Также среди девушек оказалось больше потребителей стимуляторов и эйфоретиков: амфетамина, первитина, экстази. (см. Приложение 6)

Проведенный, в рамках исследования, мониторинг интернет-ресурсов показал, что в современной России практически сформирована новая модель наркопотребления, которую можно условно назвать «моделью среднего класса». В рамки этой модели наркопотребления включены люди в возрасте 30–40 лет, семейные, образованные, профессиональные, с высоким уровнем доходов, с устоявшимся кругом интересов — хорошо социально адаптированные. Для них характерно либеральное отношение к «легким» наркотикам, доступность и декриминализированность их употребления, сопровождающееся неприемлемостью «тяжелых», внутривенных. Особенность современной наркоситуации заключается в росте так называемого «серого поля» потребителей наркотиков. Эта группа потребителей по понятным причинам не попадает в поле зрения ни правоохранительных органов, ни медиков и имеет иные личностные характеристики и ценностные ориентации, нежели потребители конца XX в. Это, в первую очередь, вовлеченность в наркопотребление людей с высоким уровнем образования, что говорит о возможностях так называемого «контролируемого» потребления и об отложенных сроках формирования наркозависимости. Если всплеск наркомании в 1990-х гг. шел по нарастающей и проходил практически в открытой форме, то сейчас для новой волны наркотизации характерно участие в ней потребителей наркотиков, озабоченных формированием таких механизмов саморегуляции при употреблении, которые позволяли бы оставаться не только «социально сохранным» в семье и на работе, но и быть успешным человеком. В настоящее время страна вступает в стадию массовой завуалированной (скрытой) наркотизации. Социальная опасность новой волны наркомании, по

Поздняковой, заключается в выходе наркотизации за пределы ранее поражаемых групп риска.

Кардинальная проблема профилактики наркомании в России, по мнению автора, состоит в несоответствии характера форм, методов и содержания профилактической работы глубинным социально-психологическим причинам наркотизации, связанным с массовым запросом на «изменение реальности», порождающим стремление к использованию различных стимуляторов и «преобразователей» сознания.

Проблема проституции и сексуальных девиаций в современном российском обществе.

По проблеме проституции последним наиболее крупным исследованием является работа Яковлевой А. А. «Социальный контроль проституции в современной России (на примере Санкт-Петербурга) от 2005г. [50] В результате проведенного автором исследования она приходит к следующим выводам:

1) Социальный контроль проституции как вид социально-практической деятельности в своем содержании обусловлен, с одной стороны, доминирующей в социальном управлении идеологией, а с другой – историческими, политическими и социально-экономическими характеристиками того общества, в котором он реализуется.

2) В системе социального контроля проституции, представленной в России сегодня, существует ярко выраженное противоречие между формальными и неформальными нормами и санкциями. Сущностью этого противоречия является сохранение формальной системы контроля, сформировавшейся в советский период российской истории, в условиях общества, претерпевшего радикальные политические и социально-экономические изменения. Интегрированная коммунистической идеологией система ценностей и норм, исходящая из викторианских принципов половой морали, и положенная в основу социального контроля сексуального поведения,

оказалась противоречащей изменившимся социальным отношениям и сложившейся в стране эпидемиологической ситуации.

3) Нормы отношений между полами в современном российском обществе характеризуются относительной гендерной нейтральностью, но в то же время ориентированы на коммерциализацию сексуальных отношений, что, безусловно, способствует продаже и потреблению сексуальных услуг.

4) В подростковой группе населения, несмотря на относительно низкий уровень актуальных сексуальных девиаций, существует достаточно высокая готовность к принятию отдельных форм девиантного сексуального поведения, включая предоставление и потребление оплачиваемых сексуальных услуг.

5) Широкому распространению проституции в российском обществе способствуют позитивный образ проститутки, создаваемый средствами массовой информации, социально-экономическая депривация значительной части молодых женщин и высокий уровень наркопотребления в этой социальной группе.

6) Ужесточение запретительной модели контроля в современных условиях не способно предотвратить увеличение масштабов ни самого сексуального бизнеса, ни его негативных социальных последствий.

В условиях современной России актуальность социальной проблемы проституции, по сравнению с предыдущим историческим периодом, неизмеримо выросла. Социально-экономические и политические изменения, происходившие в стране в конце 1980-х – 1990-х годов, способствовав общей либерализации сексуальных отношений, привели к значительному распространению девиантных форм сексуального поведения, в том числе и в виде предложения и потребления оплачиваемых сексуальных услуг. Особое значение проблема контроля предложения оплачиваемых сексуальных услуг, т.е. проституции, приобрела для страны из-за эпидемии ВИЧ-инфекции,

охватившей Россию в течение последних полутора десятилетий. Последствия роста распространенности проституции и, соответственно, её социальных и медицинских эффектов, усугубляются слабой результативностью функционирования системы социального контроля в названной сфере общественной жизни.

Из последних работ следует отметить труды: Шульгиной Е В «Асексуальность и антисексуальность - формы девиантного поведения?» [48] представленном на IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, а также статью Брюно В.В. «Рискованное сексуальное поведение молодежи в интернете» [43]. Следующим исследованием, на котором хотелось бы обратить внимание является работа Дьяченко А. П., Поздняковой М. Е «О социальных предпосылках правового регулирования пропаганды гомосексуализма и иных сексуальных девиаций». [45]

Для России демографический кризис является острой социальной проблемой. Однако активная пропаганда гомосексуального поведения и высокая распространённость сексуальных преступлений в отношении детей являются новыми глобальными вызовами, требующими не только адекватной, но и быстрой реакции. Указанная реакция, с одной стороны, должна обеспечить защиту интересов общества, а, с другой, – сохранить право граждан на неприкосновенность частной жизни. Достижению поставленных целей, по мнению авторов исследования, отвечает предлагаемый комплекс мер, направленный на защиту естественного психосексуального развития детей. Основными угрозами для такого развития являются пропаганда девиантного сексуального поведения и сексуальные преступления. Опросы, проведённые аналитическим центром Юрия Левады в 2003 и 2013 гг., свидетельствуют в целом о негативном отношении к гомосексуалистам в российском обществе. Совместную трудовую деятельность с ними настороженно воспринимали в 2003 г. – 21% и резко негативно – 29% (50% в целом) опрошенных против 66% (настороженно –

31% и резко негативно – 35%) в 2013 г. Не хотели бы иметь лиц нетрадиционной сексуальной ориентации среди своих знакомых (отнеслись бы к этому настороженно или резко негативно) 54% опрошенных в 2003 г. и 66% в 2013 г. В настоящее время каждый пятый респондент нейтрально относится к возможным контактам с представителями сексуальных меньшинств. Опрос аналитического центра Юрия Левады позволил сделать вывод о том, что за последние десять лет в России в два раза сократилось число лиц, которые спокойно, без особых эмоций, относятся к гомосексуалистам (с 45% до 23%) и в два раза увеличилось число респондентов, которые настороженно воспринимают представителей сексуальных меньшинств (с 11% до 22%). Число опрошенных лиц – жителей городов с населением от 20 тыс., относящихся к геям и лесбиянкам агрессивно (с раздражением, отвращением или страхом), было менее значительным (37% в 2003 г. и 46% в 2013 г.). Это позволяет сделать вывод, что нейтральное отношение большей части российского общества к гомосексуалистам, имевшее место в 2003 г. в 2013 г., сменилось настороженностью и отторжением. Подавляющее большинство населения воспринимает гомосексуальность как психическую аномалию личности. Принятие Федерального закона, запрещающего пропаганду гомосексуализма, поддерживают 86% респондентов. Отрицательно относятся к такому запрету 7% опрошенных, столько же респондентов эта проблема не интересует.

По оперативным данным в 2012 г. потерпевшими по различным сексуальным преступлениям в России признаны 6,7 тыс. несовершеннолетних, из которых 4,1 тыс. – малолетние дети. Особо следует отметить, что множество эпизодов сексуального насилия в отношении детей оказались нераскрытыми в связи с тем, что их латентность достаточно высока. Не менее актуальными для авторов представляется задача повышения эффективности уголовно-правовой защиты детей от сексуальных посягательств. В связи с этим представляется, что ответственность по ст. 134, 135 УК РФ подлежит коррекции, поскольку предполагает исключение из них

признака «недостижение половой зрелости» при обязательном сохранении возрастного критерия (например, 14, 16 или 18 лет).

Исследование преступности как проблемы современного российского общества.

Наиболее полным исследованием по проблеме преступности, в частности подростковой, за последнее время является коллективная монография «На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа)». Под научн. ред. М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова [30]. Особый интерес вызывают статьи: «Формирование личности несовершеннолетнего делинквента: на пути к преступлению» (М.Е. Позднякова, Л.Н. Рыбакова, В.В. Брюно) и «Территориальные различия в уровне преступности несовершеннолетних как индикатор социального и экономического неравенства районов (на примере Центрального Федерального округа)» (И.И. Шурыгина). Подробнее остановимся на каждой из них.

В исследовании Поздняковой М.Е., Рыбакова Л.Н., Брюно В.В. [30] наглядно продемонстрированы различия в поведении обычных подростков и осужденных за преступление несовершеннолетних (см. Приложение 7). С точки зрения авторов, эти факты свидетельствуют не столько о безнравственности колонистов, сколько об их отягощенности социальными болезнями своего окружения, их уязвимости и социальной ослабленности. Социальный статус семьи колонистов также свидетельствует о значительной ограниченности материальных и интеллектуальных ресурсов для их воспитания. Известно, что неполная семья (одна мать) может обеспечить достойное воспитание мальчику, а проживание с матерью (46% колонистов) не является причиной правонарушений. 40% респондентов проживали в полных семьях, где матери были несколько моложе отцов. Значительная доля полных семей не смогла уберечь своих сыновей от слома жизненного пути. Большинство родителей сами находились в кризисной ситуации и нуждались в помощи социальных служб.

Климат в семье колонистов также не благоприятствовал развитию личности подростка и сохранению психического здоровья. Примерно четверть опрошенных постоянно видели своих родителей сильно пьяными. 15% подвергались физическому насилию в семье. (см. Приложение 8)

Дополнительным фактором, провоцирующим правонарушения, является наблюдение за тем, что подросток видит вокруг себя и как он (в силу своих способностей) понимает то, что видит. Негативная зараженность среды опрошенных воспитанников колонии представляется исследователям тревожной. (см. Приложение 9). По данным исследования, в окружении «колонистов» были пьяницы, токсикоманы, воры, вандалы, жестокие хулиганы, вооруженные битой или ножом. Четвертая часть респондентов водили дружбу с теми, кто имел тюремный опыт, еще у 12% друзья принадлежали к криминальным сообществам. Как ни странно, криминальная зараженность среды – правда, в меньшей степени – отмечена также в опросе старшеклассников, не имевших ни одного привода в милицию. Нынешние школьники неразборчивы в контактах, а для некоторых негативные знакомства привлекательны. Авторы приходят к выводу, что зараженность среды – очередной фактор, способствующий возникновению девиаций.

Результаты исследования показали, что большинство колонистов не прошли достаточно устойчивой школы социализации. Они не вписались в школьный коллектив. Условия их взросления не позволили им научиться социально приемлемому поведению. В семье они не получили опыта тесной привязанности и взаимопонимания. Уличные компании в некоторой мере обеспечили им возможность самоутвердиться и получить хотя бы групповую идентичность взамен личностной. Поскольку для них характерна психологическая незрелость, зависимость от окружения, отсутствие самоконтроля, они не регулируют свое поведение в социально рискогенных ситуациях: знакомство с девиантными сверстниками, употребление психоактивных веществ, испытание себя в криминогенных обстоятельствах, ссоры, драки, зависть к более обеспеченным сверстникам и т.д.

Шурыгина И.И в своей статье «Территориальные различия в уровне преступности несовершеннолетних как индикатор социального и экономического неравенства районов (на примере Центрального Федерального округа)» [30] приходит к выводу, что уровень подростковой преступности хорошо вписывается в общую систему показателей социально-экономического положения территории. При этом теснее всего он связан не с непосредственными, прямыми индикаторами экономического развития или уровня жизни, а со средней ожидаемой продолжительностью жизни и числом аборт на 1000 женщин фертильного возраста. Эти два показателя наиболее полно аккумулирует в себе целый ряд разнообразных характеристик среды обитания, более тонких, чем те, которые отражаются в других показателях, и могут служить наиболее яркими индикаторами уровня модернизации общества. В условиях Центрального Федерального округа сочетание высокой продолжительности жизни, низкого относительного числа аборт и низкой преступности несовершеннолетних характерно для наиболее модернизированных и интенсивно развивающихся территорий, а сочетание низкой продолжительности жизни с высокими уровнями прерывания беременности и подростковой преступности – для районов с наиболее выраженной незавершенностью модернизационного процесса. Возрастающее в течение 1990-2010 гг. социально - экономическое неравенство между районами Центрального округа отражается и на усилении их дифференцированности по уровню преступности несовершеннолетних. Усиление дифференциации районов региона по уровню преступности среди несовершеннолетних идет параллельно с усилением неравенства между ними и в контексте условий проживания подростков.

Также нельзя не упомянуть статью Гилинского Я.И. «Исключенные навсегда». Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (inclusive/exclusive). Понятие «исключение» (exclusion) появилось во французской социологии в середине 60-х гг. минувшего столетия как

характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей [10]. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности» [36] Процесс «inclusion/exclusion» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод включения/ исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние» [22]

«Росстат недавно опубликовал данные о состоянии кошельков россиян. В крайней нищете в России живут 13,4% населения с доходом ниже 3422 рубля в месяц. В нищете пребывают 27,8% с доходом от 3422 до 7400 рублей. В бедности – 38,8% населения с доходом от 7400 до 17 тыс. рублей. "Богатыми среди бедных" являются 10,9% с доходом от 17 до 25 тыс. рублей.

На уровне среднего достатка живут 7,3% с доходом от 25 до 50 тыс. рублей. К состоятельным относятся граждане с доходом от 50 до 75 тыс. рублей. Их число составляет 1,1%»¹⁵. Итого: 41,2% нищих, 49,7% бедных (всего нищих и бедных – 90,9%), 8,4% - состоятельных и, очевидно, 0,7% - богатых... Одно это – катастрофа. Ужас не только в дикой бедности большинства россиян, но и в непонимании ими всей трагедии своей «исключенности...» пишет Гилинский Я.И.

Все это в дальнейшем привело к дестабилизации социальной и политической ситуации в стране, росту протестного движения в 2011-13х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-экономическая ситуация, сформировавшаяся в современном российском обществе, привела к нарастанию целого ряда социальных проблем, содержание которых составляет девиантное и делинквентное поведение: преступность, наркомания, проституция, суицид, алкоголизм, бездомность и т.д.

В ходе выполнения поставленных задач было установлено что понятие девиации тесно связано с понятием социальной нормы, дифференцированности, напряженности. Были проанализированы как классические, так и современные теории изучения девиантного поведения. Особенности девиантного поведения не только свидетельствуют об отклонениях от общепринятых норм, требований, но и несут в себе зачатки будущих проступков, нарушений нравственных, социальных, правовых норм, требований закона, представляют собой потенциальную угрозу субъекту поведения, развитию его личности, окружающим его людям, обществу в целом.

В результате проведенного анализа социологических исследований было установлено, что реальное количество больных алкоголизмом в нашей стране намного превышает число находящихся под диспансерным наблюдением. Возможное количество больных алкоголизмом, по оценкам экспертов, составляет около 5 млн. человек, или 3,4% от всего населения России. Потребление алкоголя приводит к преждевременной, предотвратимой смерти около полумиллиона человек ежегодно. В России очень высок уровень потерь, связанных с алкоголем: 26% от всех смертей в разной степени связаны с алкоголем – 30% у мужчин и более 15% у женщин в среднем по стране.

Наряду с общим ростом алкоголизации населения и увеличением заболеваемости алкоголизмом отмечается отчетливая тенденция к росту удельного веса женского алкоголизма по отношению к мужскому. В

настоящее время в России зафиксировано 418 тыс. женщин с диагнозом «алкоголизм» и 74 тыс. «выпивающих с вредными для здоровья последствиями». Возросшая алкоголизация подростков и женщин значительно увеличивает риск алкогольных заболеваний, размеры неблагополучия в семьях, что в свою очередь приводит к безнадзорности и беспризорности детей, к раннему приобщению детей и подростков к алкоголю. На сегодняшний день в многочисленных публикациях указано, что, по данным Генпрокуратуры, в стране 178 тыс. детей-алкоголиков.

Главной особенностью наркоситуации в России является распространенность среди значительной части наркопотребителей как традиционных, «тяжелых», так и «легких» наркотиков (каннабиноидов), а также «новых» наркотиков и их сочетанное употребление. В России дизайнерские наркотики принято связывать в первую очередь с так называемыми курительными смесями.

Зафиксированное исследователями изменение структуры наркотиков ярко выражено в первую очередь в группах студенческой молодежи. Их вовлеченность в наркопотребление – 30–40%. Именно молодежь является основным объектом наркодизайнерских экспериментов. По данным исследования, в структуре студенческого потребления в последние годы значимое место занимают «новые» наркотики, которые не попали под запрет законодательства и трудно выявляются традиционными диагностическими методами, в то же время дешевы и доступны.

В сфере наркопотребления происходящие существенные трансформации привели к появлению новых моделей приобщения к наркотикам: все большее распространение получают «статусное» и «рекреационное» наркопотребление. Следует отметить, что в среде студенческой молодежи не зафиксировано употребление традиционного героина. Среди трудоспособного населения имеют опыт употребления ПАВ с разной периодичностью (наркозависимость в исследовании не установлена) около 35% опрошенных.

Значительные изменения произошли в женском наркотическом поведении. Если в старших группах (40–49 и 50–55 лет) доля женщин с опытом употребления наркотиков относительно мала (5–4%), и для них характерна «аптечная наркомания», получившая широкое распространение не только в России, но и на Западе, то в группе 30–39 лет она значительна. В двух младших поколениях доля женщин, имеющих опыт употребления наркотиков, устойчиво фиксируется на уровне 24%, что говорит о сложившейся норме женского наркоповедения.

Структура наркотиков у молодых мужчин и женщин сегодня практически не имеет различий. Употребление «новых» наркотиков характерно для тех и других. Также среди девушек оказалось больше потребителей стимуляторов и эйфоретиков: амфетамина, первитина, экстази. В современной России практически сформирована новая модель наркопотребления, которую можно условно назвать «моделью среднего класса». В рамки этой модели наркопотребления включены люди в возрасте 30–40 лет, семейные, образованные, профессиональные, с высоким уровнем доходов, с устоявшимся кругом интересов — хорошо социально адаптированные.

В настоящее время страна вступает в стадию массовой завуалированной (скрытой) наркотизации. Социальная опасность новой волны наркомании заключается в выходе наркотизации за пределы ранее поражаемых групп риска.

В условиях современной России актуальность социальной проблемы проституции, по сравнению с предыдущим историческим периодом, неизмеримо выросла.

Особое значение проблема контроля предложения оплачиваемых сексуальных услуг, т.е. проституции, приобрела для страны из-за эпидемии ВИЧ-инфекции, охватившей Россию в течение последних полутора десятилетий. Последствия роста распространенности проституции и, соответственно, её социальных и медицинских эффектов, усугубляются

слабой результативностью функционирования системы социального контроля в названной сфере общественной жизни.

Результаты исследования делинквентного поведения подростков показали, что большинство колонистов не прошли достаточно устойчивой школы социализации. Они не вписались в школьный коллектив. Условия их взросления не позволили им научиться социально приемлемому поведению. В семье они не получили опыта тесной привязанности и взаимопонимания. Уличные компании в некоторой мере обеспечили им возможность самоутвердиться и получить хотя бы групповую идентичность взамен личностной. Поскольку для них характерна психологическая незрелость, зависимость от окружения, отсутствие самоконтроля, они не регулируют свое поведение в социально рискованных ситуациях: знакомство с девиантными сверстниками, употребление психоактивных веществ, испытание себя в криминогенных обстоятельствах, ссоры, драки, зависть к более обеспеченным сверстникам и т.д.

В совокупности с коррупционной деятельностью, ростом числа преступлений и криминализации практически всех сфер жизни общества девиантное поведение является проблемой современного российского общества, требующей особого внимания и дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Актуальные проблемы суицидологии / Отв. ред. А.Портнов. М., 1978
- 2) Булацель П.Ф. Самоубийство с древнейших времен до наших дней. СПб., 1900
- 3) Габиани А. Наркотизм: (Конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси, 1977
- 4) Габиани А. Наркотизм: Вчера и сегодня. Тбилиси, 1988
- 5) Габиани А.А. Кто такие наркоманы? // Социолог. исследования. 1992. № 2. С. 78 – 83
- 6) Галкин В.А. К истории изучения клиники хронического алкоголизма // Алкоголизм и алкогольные психозы/ Тр. Московск. НИИ психиатрии МЗ РСФСР. М., 1963. Т. 38. С. 442–448.
- 7) Гернет М.Н. К статистике проституции // Статистическое обозрение. 1927. № 7
- 8) Гилинский Я.И. Современные тенденции мировой криминологии [Электронный ресурс] http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Gilinsky-Sovremennye_tendentsii_mirovoy_kriminologii.pdf. (Дата обращения:12.03.2016)
- 9) Гилинский Я.И. Алкоголь и мы [Электронный ресурс] http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Gilinsky-Alkogol_i_my.pdf. (Дата обращения:05.02.1994)
- 10) Гилинский Я.И. Исключение навсегда [Электронный ресурс] http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Gilinsky-Iskluchennye_navsegda.pdf. (Дата обращения:21.02.2016)
- 11) Гилинский Я.И. Алкоголь и мы [Электронный ресурс] http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Gilinsky-Iskluchennye_navsegda.pdf. (Дата обращения:18.01.2016)

- 12) Голосенко И.А. "Русское пьянство": Мифы и реальность //Социолог. исследования. 1986. № 3. С. 203–209
- 13) Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования)/ Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова [Электронный ресурс] http://www.isras.ru/files/File/publ/Deviantnoe_povedenie_v_sovremennoy_Rossii_2014.pdf. (Дата обращения:17.02.2016)
- 14) Девивантность и социальный контроль [Электронный ресурс] http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Deviantnost_i_sotsialniy_kontrol.pdf. (Дата обращения:03.03.2016)
- 15) Дриль Д.А. Преступный человек. СПб., 1882
- 16) Дриль Д.А. Психофизические типы в их соотношении с преступностью. СПб., 1890
- 17) Дюркгейм Э. Норма и патология//Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992.№2.С.85-86
- 18) Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994
- 19) Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922
- 20) Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.:Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА,1997. С.98
- 21) Комлев Ю. Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Министерство внутренних дел российской федерации. Казанский юридический институт, 2006г [Электронный ресурс] http://deviantology.spb.ru/etc/books/Komlev_Safullin-Sotsiologiya_deviantnogo_povedeniya.pdf. (Дата обращения:29.02.2016)
- 22) Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94- 108.
- 23) Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Он же. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983

- 24) Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т. 2. Изд. 2-е. С.364
- 25) Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология// К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч.Т.3.С.232
- 26) Мертон Р.К. Социальная структура и anomia//Социология преступности. М, 1966. С.299
- 27) Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура//Социол. исслед. 1992. №2. С.121
- 28) Мертон Р. Социальная структура и anomia//Рубеж: Альманах социальных исследований.1992. №2. С.98
- 29) Мстиславский С.Д. Свое и чужое: О пьянстве // Заветы. 1914. №4
- 30) На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа) / коллективная монография: под науч. ред. М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова. [Электронный ресурс]
http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Pozdnyakova_Hagurov-Na_puti_k_prestupleniyu.pdf. (Дата обращения:10.04.2016)
- 31) Некоторые результаты социально-экономического исследования проблемы пьянства и алкоголизма: (По материалам Грузинской ССР) / Ред. А.Габиани и др. Тбилиси, 1979
- 32) Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995
- 33) Немцов А. Алкогольная смертность в России, 1980-90-е годы. М., 2001. С.5.
- 34) О наркотических и некоторых других ядовитых веществах, употребляемых населением Ферганской области. Фергана, 1885
- 35) Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С.40-50
- 36) Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии.

Т.П. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999 С.147.

37) Проституция в России: Картины публичного торго. СПб., 1908

38) Радищев А.Н. О законоположении. СПб., 1802

39) Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН [Электронный ресурс] http://www.isras.ru/files/File/publ/Ezhegodnik_2016.pdf. (Дата

обращения:28.04.2016)

40) Салагаев А.Л. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань: Экоцентр,1997. С.67-69.

41) Самоубийства в СССР в 1922-1925 гг. М., 1927

42) Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 г. М., 1929

43) Сектор социологии девиантного поведения ИС РАН [Электронный ресурс] http://www.isras.ru/index.php?page_id=2243&y=2015&id=89. (Дата обращения:16.03.2016)

44) Социальные и медико-психологические проблемы суицидального поведения молодежи // Отклоняющееся поведение молодежи /Отв. ред. Э.Раска. Таллин, 1979. С. 91–104

45) Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 109-123

46) Силласте Г.Г. Новая наркоситуация в России // Социолог. исследования. 1994. № 6. С. 138 – 145

47) Феноменов М.Я. Причины самоубийств в русской школе. СПб., 1914

48) Феноменология и профилактика девиантного поведения (Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием). – Краснодар: Министерство внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский университет, 2015. С. 188-192

49) Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии//Социол. исслед. 1992. №5. С.89

50) Яковлева А. А. Социальный контроль проституции в современной России (на примере Санкт-Петербурга) [Электронный ресурс] http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Yakovleva-Sotsialny_kontrol_prostitutsii_v_sovremennoy_Rossii.pdf. (Дата обращения:02.04.2016)

51) Kangaspunta K. Mapping the inhuman trade: preliminary findings of the database on trafficking in human beings// Forum on Crime and Society. Vol. 3, N1-2, 2003, pp. 81-104

52) Mullen P., Pathé M., Purcell R. Stalkers and their Victims. Cambridge University Press, 2000; Stalking in Sweden: Prevalence and Prevention. Stockholm, 2006

53) Parsons T. Deviant behavior//Social deviance. Philadelphia etc.: J.B.Lippincott, 1975. P.156-166.

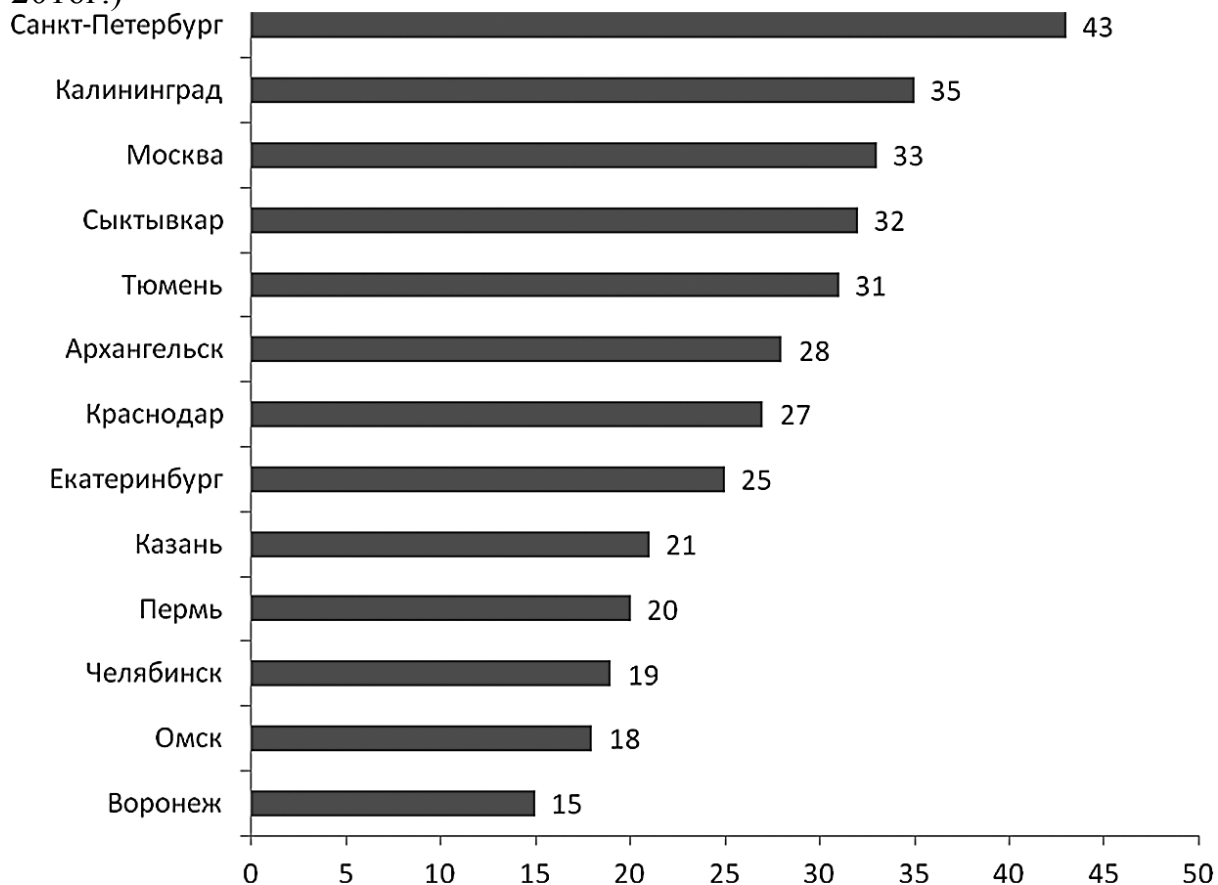
54) Recherches sur le nombre des suicides et homicides commis on Russie pedant les années 1819 et 1820 // Mémoires de l'Academie Imperiale des Scinces de S.Peterburg. 1832. Sér. 6. T I. P. 3 – 20

55) Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. Oxford University Press, 1997

56) Young J. The Exclusive Society. SAGE, 1999

Приложение

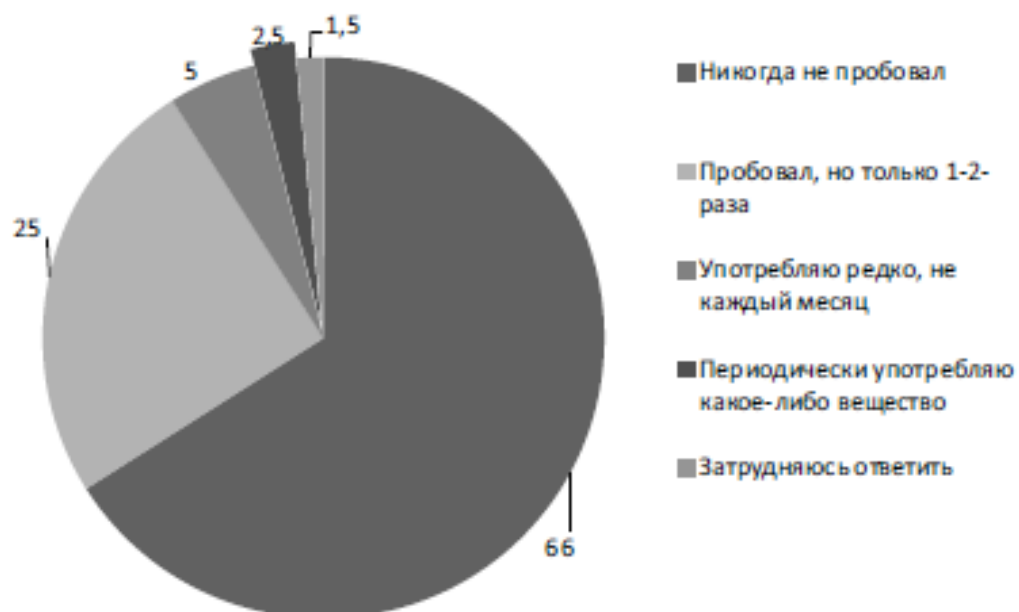
Приложение 1 Распространенность наркотических проб среди трудоспособного населения в различных городах, % (по исследованию Поздняковой М.Е. «Особенности современной наркоситуации в России» 2016г.)

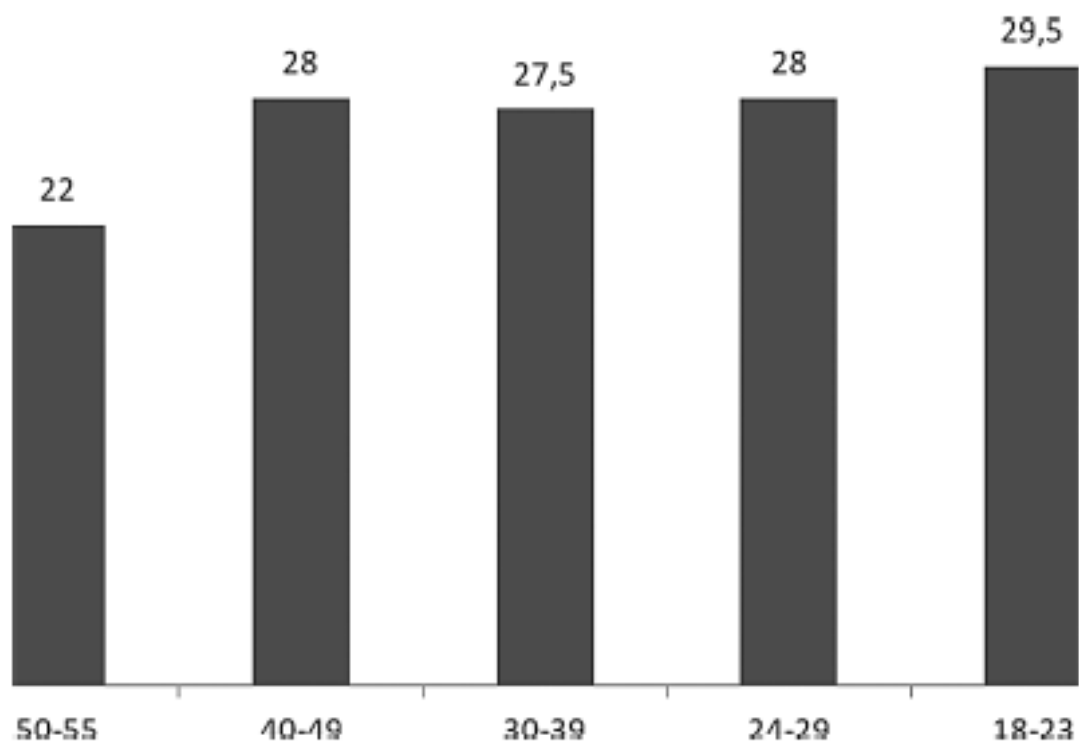
Приложение 2 Структура потребляемых наркотиков среди студентов, % к ответившим (по исследованию Поздняковой М.Е. «Особенности современной наркоситуации в России» 2016г.)

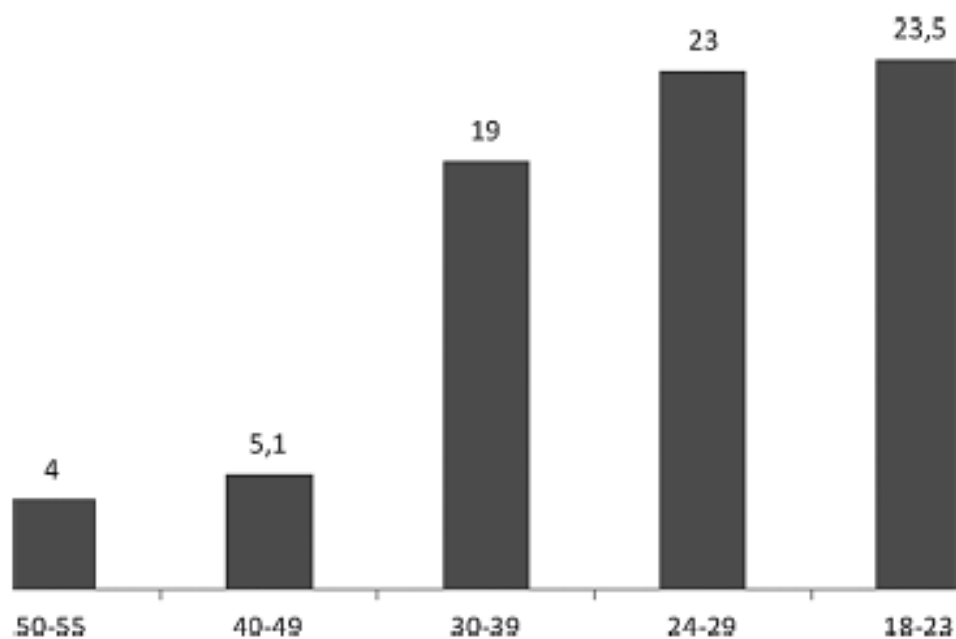
Приложение 3 Употребление наркотиков среди трудоспособного населения, % (по исследованию Поздняковой М.Е. «Особенности современной наркоситуации в России» 2016г.)

Приложение 4. Доля тех, кто употреблял наркотики хотя бы один раз в разных возрастных группах, в % от числа респондентов соответствующего возраста (по исследованию Поздняковой М.Е. «Особенности современной наркоситуации в России» 2016г.)

Приложение 5 Доля женщин, имеющих опыт употребления наркотиков в разных возрастных группах, в % от числа женщин соответствующего возраста (по исследованию Поздняковой М.Е. «Особенности современной наркоситуации в России» 2016г.)

Приложение 6. Структура потребляемых наркотиков в зависимости от пола среди студентов, % к ответившим (по исследованию Поздняковой М.Е. «Особенности современной наркоситуации в России» 2016г.)

Приложение 7. Распространенность противоправных действий среди школьников 7-9 классов и подростков, осужденных за преступления, % (по исследованию «Формирование личности несовершеннолетнего делинквента: на пути к преступлению» (М.Е. Позднякова, Л.Н. Рыбакова, В.В. Брюно 2012г.)

Противоправные поступки	Школьники 7-9 классов N=2879	«Колонисты» N=106
Угрожал кому-то битой, палкой	1,5	10,5
Готовил, продавал наркотики	1	11
Угонял скутер, мопед	1	14
Избивал кого-то палкой, дубинкой,	3	15
Носил с собой прут, цепь, заточку и др.	11	16
Совершал вандальные действия	11	22
Воровал из магазина	11	23
Воровал сумочку, кошелек, плеер	1,5	25
Участвовал в драках	21	50
Пробовал наркотики	15	59
Злоупотреблял алкоголем	6	76

Приложение 8. Распределение ответов «колонистов» на вопрос: «Как складывались твои отношения с родителями до того, как ты попал в колонию?», % от ответивших на вопрос (по исследованию «Формирование личности несовершеннолетнего делинквента: на пути к преступлению» (М.Е. Позднякова, Л.Н. Рыбакова, В.В. Брюно 2012г.)

Приложение 9. Распределение ответов «колонистов» на вопрос: «До колонии у тебя были друзья, которые совершали следующие действия?», % от ответивших на вопрос (по исследованию «Формирование личности несовершеннолетнего делинквента: на пути к преступлению» (М.Е. Позднякова, Л.Н. Рыбакова, В.В. Брюно 2012г.)

